

РУССКАЯ СПЕЦСЛУЖБА – ИСКУССТВО НЕВОЗМОЖНОГО

ФСБ РУССКИЙ
007

С е р г е й Д о н с к о й

**УМРИ СЕГОДНЯ
И СЕЙЧАС**

Капитан ФСБ Евгений Бондарь

Сергей Донской

Умри сегодня и сейчас

«Автор»

2004

Донской С. Г.

Умри сегодня и сейчас / С. Г. Донской — «Автор»,
2004 — (Капитан ФСБ Евгений Бондарь)

Бывший микробиолог и нынешний маньяк-террорист изобрел новое бактериологическое оружие массового уничтожения и решил шантажировать правительства западных стран, требуя с них огромные деньги. Весь мир в панике – если вирус попадет в обычную водопроводную воду, погибнут миллионы. Но наша ФСБ не дремлет. В эстонский город Пярну, где бесчинствует маньяк, приехал капитан контрразведки Евгений Бондарь. Этот человек способен в одиночку уничтожить не только маньяка, но и всю террористическую организацию, которая за ним стоит. Но Бондарь еще не знает, что оружием сильно заинтересовались местные фашисты. Так что ему придется воевать с целой сворой оголтелых отморозков...

© Донской С. Г., 2004

© Автор, 2004

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	30
Глава 9	33
Глава 10	36
Глава 11	41
Глава 12	43
Глава 13	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Сергей Донской

Умри сегодня и сейчас

Глава 1

С корабля на бал

Бондарь поднял воротник куртки. Утром, когда он покидал санаторий «Дубрава», солнце припекало чуть ли не по-летнему, но погода резко испортилась, как только на горизонте замаячила Москва. Теперь же, когда Бондарь был на подходе к самому знаменитому зданию на Лубянке, и вовсе хлынул проливной дождь.

Март вечно преподносит сюрпризы, и приятных среди них мало. То же самое можно сказать о начальстве. Сначала тебя силком выпихивают в отпуск, а потом так же бесцеремонно выдергивают обратно. Кому такое может понравиться?

Ругаясь про себя, Бондарь ускорил шаг. Несмотря на то, что его ботинки были куплены совсем недавно, ему казалось, что он шлепает по лужам босиком. Вот тебе и первый день весны!

У перехода пришлось отпрянуть от дороги, по которой на всех парах промчался громадный тонированный джип гангстерского вида. Водитель умышленно держался впритирку к бордюру, обдавая пешеходов потоками мутной воды. Самое противное, что облитые граждане не грозили вслед джипу кулаками и вообще не проявили ни малейших признаков негодования. Отряхнулись, утерлись и молча поплелись дальше. Такое поведение было вызвано не столько страхом, сколько многолетней привычкой к унижительной покорности судьбе.

А дождь не просто лил – хлестал, и окружающее выглядело в лучшем случае серым или бурым, а в общем и целом – просто бесцветным, но при этом непременно мокрым и грязным.

Все это не способствовало хорошему настроению, и Бондарь вошел в управление с такой мрачной физиономией, что проверка документов заняла в два раза больше времени, чем обычно. Надо полагать, дежурные прапорщики заподозрили в нем чуть ли не террориста-смертника, приготовившегося распрощаться с жизнью.

Расчесывая мокрые волосы перед зеркалом в вестибюле, Бондарь заставил себя разглядеть вертикальную морщину, пролегшую между бровей, но выражение его лица не стало от этого менее суровым. Серо-голубые глаза даже на собственное отражение глядели неприязненно. А подбородок, помеченный белым шрамом, по-прежнему был вскинут на пару сантиметров выше, чем полагалось по чину капитану Евгению Николаевичу Бондарю, оперуполномоченному оперативного отдела Управления контрразведывательных операций ФСБ России.

Чем вызван его досрочный вызов к начальнику отдела? Надо полагать, не представлением к правительственной награде. Две недели назад Бондарь вышел на организаторов взрыва в ночном клубе «Приход» и даже добился признательных показаний от главаря. Но руководство осталось недовольным чересчур решительными действиями капитана. Очень уж много шуму он наделал в многоквартирном элитном доме, где проживали некоторые весьма влиятельные персоны. Эхо той пальбы до сих пор аукалось в средствах массовой информации. В итоге никакого повышения по службе, а лишь очередная «черная метка» в личном деле. Так что неурочный вызов к начальству не сулил ничего хорошего. Приготовившийся к очередному нагоняю Бондарь вошел в кабину лифта.

Опередивший его пассажир оказался знакомым сотрудником отдела информационной безопасности. В сокращенном варианте название службы звучало не слишком благопристойно, особенно, когда ойбовцев распекали на селекторных совещаниях: «ОИБ, вашу мать, вы там

уснули, что ли?!» За глаза эту публику называли «оибнутой»; опера недолюбливали повернутых на электронике хиппарей. Вечно небритые, нечесанные, в глазах сплошная виртуальная муть, с языка не сходит то ли наркоманский, то ли хакерский жаргон. Вот и встретившийся Бондарю оибовец не придумал ничего лучше, чем развязно пошевелить пальцами:

– Салют, командор. Как делишки на тайном фронте? Лишней лицензии на убийство не найдется? А то теща вконец заколебала.

Парень заржал, воображая себя необыкновенно остроумным. Из его левой руки торчала половинка бережливо потушенной сигареты с фильтром, пахнувшей ничем не лучше любого обслонявленного «бычка».

– Тебе не платят зарплату? – поинтересовался Бондарь, неодобрительно косясь на окурочок.

– Наоборот, только вчера три штуки накинули, – похвастался парень.

– Так что же ты тогда крохоборничаешь, Гоша?

– Я Геша.

– Не вижу особой разницы, Гоша, – признался Бондарь. – Стыдно. Взрослый человек, а ведешь себя, как пацан.

– Это же настоящий «Честерфилд», – обиделся парень, демонстрируя фильтр. – Фирменный, а не наш, самопальный. Сигареты в лондонском Сохо куплены. Такие курил сам...

Не дослушав, Бондарь вышел из лифта.

* * *

На этаже было тихо и безлюдно. Стремительно шагая по ковровой дорожке, Бондарь дошел до приемной начальника оперативного отдела, толкнул дверь и переступил порог.

Алтынникова, личная секретарша полковника Роднина, оторвала взгляд от монитора и расщедрилась на обворожительную улыбку. Здороваясь, Бондарь постарался улыбнуться так же приветливо. Секретарша симпатизировала ему, и он отвечал ей взаимностью. Старался отвечать по мере сил и возможностей.

Ей недавно исполнилось сорок, но она была совершенно седая. В свое время, после излишне активного отдыха на лыжном курорте, ей пришлось перенести трепанацию черепа, и, когда сбритые волосы отросли, они оказались уже не светлыми, а белыми. Сначала Алтынникова комплексовала по этому поводу, а потом обнаружила, что серебристые локоны не только придают ей неповторимое очарование, но и молодят ее лучше всяких патентованных средств.

Бондарь сделал вид, что любит ее синим жакетом в голубую полоску:

– Отличная обновка, Светлана Афанасьевна, – он выбросил вверх большой палец. – Вам идет.

Она засмеялась, качая головой:

– Ах, Женя, Женя! То же самое вы говорили мне в прошлый раз. И в позапрошлый.

– Значит, вы всегда выбираете красивые вещи, – не растерялся Бондарь.

– Дело в том, что я проходила в этом наряде всю зиму, – в глазах Алтынниковой промелькнула печаль. – Но все равно спасибо, Женя. Кстати, раз уж мы заговорили об одежде... Василий Степанович велел, чтобы вы сначала наведались к Саше Беляеву, а потом уж добро пожаловать на ковер. В преображенном, так сказать, виде.

– В каком именно? – нахмурился Бондарь.

– Беляев знает. Ему были отданы соответствующие распоряжения.

Так бы и трахнул кулаком по столу, чтобы всякая канцелярская дребедень подлетела до потолка!

– А поконкретней можно, Светлана Афанасьевна?! – сладко осведомился Бондарь, предусмотрительно сцепивший руки за спиной.

В ответ Алтынникова невинно захлопала ресницами, сделавшись похожей на Мэрилин Монро:

– Василий Степанович хочет посмотреть, как вы будете смотреться рядом.

Бондарь помотал головой, как человек, заподозривший, что все происходящее ему только снится.

– Рядом с кем? – спросил он, досадливо морщась.

– С напарницей, – тонко усмехнулась Алтынникова.

– Та-ак! Откуда она взялась? Кто такая?

– Понятия не имею. Но интуиция мне подсказывает: эта дамочка из бывших.

– Из дворянок, что ли?

– Зачем из дворянок? – удивилась Алтынникова. – Из путан, разумеется. Наши лучшие женские кадры куются на панели. Я имею в виду агентурную сеть, – поспешно поправились она.

На щеках секретарши проступил румянец, но в данный момент цвет ее лица волновал Бондаря меньше всего.

– Старик что, спятил? – рявкнул он. – И куда же он собирается меня запихнуть с этой б... с этой б-бывшей?

Алтынникова, тайком покровительствовавшая Бондарю, опасливо огляделась по сторонам и понизила голос.

– Я думаю, – заговорщицки прошептала она, – что вы отправитесь к Балтийскому морю. Я сегодня с самого утра готовлю справки по Эстонии. У меня от этих дурацких названий уже голова раскалывается, – пожаловалась Алтынникова, кокетливо прикоснувшись к бело-снежным локонам. – Знаете, как называется эстонский парламент? Рийгикогу – не больше не меньше. А их министр внутренних дел? Его зовут Сиймсаар Мунамяги, уму непостижимо! Скажите, Женя, вы бы смогли сохранить серьезность, обращаясь к нему по имени? – Алтынникова прыснула. – Здравствуйте, господин Сиймсаар Мунамяги, как прошла ваша деловая поездка в Йьэсуу, не правда ли, крыша полицейского участка в селении Пюхайьэ требует срочного ремонта?

Глядя на хихикающую секретаршу, Бондарь помрачнел еще сильнее. Лично ему ситуация вовсе не казалась ни смешной, ни даже просто забавной.

– Терпеть не могу Прибалтику, – с чувством произнес он.

– Ну-ну, Женя, не расстраивайтесь, – воскликнула Алтынникова, ободряюще прикоснувшись к его рукаву. – Как бы то ни было, морской воздух пойдет вам на пользу. Не хочу показаться навязчивой, но по-моему вы слишком злоупотребляете алкоголем и никотином. Вредно ведь. Глупые вы все-таки, мужчины.

Она смотрела на Бондаря по-матерински заботливо. *Почти по-матерински заботливо.*

– Мы пьем, чтобы утолить жажду, – грубовато сказал он, – а курим, когда больше нечем руки занять.

– С *такой* спутницей, которую вам подыскали, – многозначительно произнесла Алтынникова, – вы всегда найдете, чем занять руки, уверяю вас.

– Знаете, Светлана Афанасьевна, будь вы помоложе, я бы не посмотрел, что вы женщина! – окончательно расвирепевший Бондарь направился к выходу, но на полпути обернулся. – У кое-кого, кажется, на следующей неделе день рождения? Вот вернусь из Эстонии – так отгаскаю именинницу за уши, что мало не покажется.

Алтынникова задорно улынулась:

– Посидите на диете из балтийской селедки пряного посола, тогда посмотрим, кто кому уши надерет. И потом, – она опять перевоплотилась в скромницу а-ля Мэрилин Монро, – боюсь, предстоящая командировка потребует от вас полной самоотдачи, Женя. Вряд ли у вас хватит запала на скромную секретаршу сорока с лишним лет.

Бондарь скрипнул зубами и пулей вылетел из приемной.

Глава 2

Искусство перевоплощения

При виде Бондаря Беляев вожделенно облизнулся.

– Добро пожаловать, вояка.

Несмотря на более чем солидный возраст, Беляев оставался для большинства сотрудников просто Сашей, и редко кто называл его Александром Романовичем. Такие мужчины всю жизнь остаются мальчишками. Лишенные детских игрушек, они изобретают реактивные велосипеды, стреляющие авторучки, эффективные средства для развязывания языка или капсулы с цианистым калием.

Все эти шпионские штучки окружены целым ворохом легенд, слухов, догадок и намеренной дезинформации. Большинство образцов сверхсекретных изобретений, фигурирующих в детективах и боевиках, всегда являлось лишь плодом богатого воображения авторов. В арсенале ФСБ не было ни спортивных автомобилей на воздушных подушках, ни магнитных часов «Ролекс», изменяющих траекторию пули, ни миниатюрных имитаторов голосовых алгоритмов. Тут интересовались исключительно теми приспособлениями, реальность которых подтверждалась подробными техническими описаниями либо опытными образцами.

Впрочем, некоторые свои смертоносные идеи конструкторы черпали в литературе и кинематографе. В давние времена, например, была очень популярна шпионская комедия «Бей первым, Фредди!». Один из ее героев закуривал сигару с сюрпризом, которая неожиданно взрывалась, и зрители дружно хохотали над незадачливым курильщиком с закопченной физиономией и перепуганными глазами. Некоторые остряки даже наловчились начинать сигареты серными головками спичек, угощая взрывоопасным куревом приятелей. Но спецслужбы пошли дальше, разработав миниатюрные мины, действующие по принципу забавной шутихи. Их вставляли в сигары, мундштуки трубок и даже в сигаретные фильтры. Взрывчаткой служила щепоть тетрила или азида свинца. Замаскированный фитиль загорался одновременно с табаком. Сила взрыва была такова, что жертва лишалась не только глаз, но и лица. Вред от такого курения был столь очевидным, что разведчики перестали угощаться чужими сигаретами, а при виде извлеченного собеседником портсигара хватались за оружие.

Одним из виновников таких панических настроений был знаменитый конструктор Стечкин, создавший убойный портсигар ТКБ-506А. Внутри корпуса монтировались три стволика и спусковое устройство с клавишей в виде защелки. Любезно протягивая такой портсигар противнику, можно было уложить его наповал. Хотя стволики были значительно короче, чем у пистолета (всего 25 миллиметров), патроны с усиленным зарядом пороха не оставляли жертве ни малейшего шанса.

Нет ничего удивительного в том, что стреляющий портсигар был одобрен и принят на вооружение агентуры КГБ. Очень скоро его оснастили четырьмя стволами и специальными бесшумными патронами, а пули наполнили цианистым калием. Сколько вражеских шпионов полегло от этой смертоносной «игрушки», одному богу известно. Когда портсигары вышли из моды, разведчики облегченно перевели дух, но, как вскоре выяснилось, совершенно напрасно. Потому что в ход пошли зажигалки.

Сначала в них прятали выкидные лезвия и баллончики с ядовитым газом, потом зажигалки превратились в однозарядные стреляющие устройства. Это было очень удобно. От зажигалки можно было дать человеку прикурить или уложить его выстрелом в упор. Практиковалось и то, и другое. Причем в любой последовательности.

Вспокоившиеся специалисты ЦРУ разработали секретное оружие ответного удара, представлявшего собой семисантиметровую сигарету с крохотным стволом, заряженным такой

же крохотной пулей. Испытания она прошла, но в реальной обстановке оказалась абсолютно непригодной. Чтобы произвести выстрел, сигарету следовало взять в правую руку, левой рукой или зубами выдернуть небольшую чеку, затем указательным и большим пальцами повернуть «фильтр» против часовой стрелки – так взводился ударник. Несколько американских суперменов было уничтожено уже на этом этапе, не успев привести в действие спуск, тоже вмонтированный в фильтр. При этом вооруженную руку предписывалось держать как можно дальше от себя, поскольку отдача вырывала сигарету из пальцев, и она могла запросто впиться в глаз стрелку.

Не слишком преуспели и немецкие конструкторы, снабдившие своих агентов стреляющими перочинными ножами, в рукоятке которых скрывался миниатюрный многозарядный пистолет. Правда, в сложенном виде ножик не действовал. Для применения следовало откинуть на шарнире блок лезвий, который превращался таким образом в рукоятку оружия, затем выдвигался складной спусковой крючок и вставлялся многозарядный коробчатый магазин. Лишь после этого можно было открывать огонь по противнику... давно успевшему отреагировать на подобные действия. Кстати, российские стреляющие ножи, созданные тульскими умельцами, действовали быстро и безотказно, как обычные пистолеты. Выпущенные из них пули с расстояния 25 метров пробивали миллиметровую титановую пластину плюс пятнадцать слоев кевлара, то есть стандартный бронежилет.

Возиться с опасными приспособлениями подобного рода было главной страстью Саши Беляева, во владениях которого оказался Бондарь.

– Как ты думаешь, что это такое? – спросил Беляев, протягивая вошедшему мобильный телефон с логотипом фирмы «Нокител».

Тот осторожно предположил:

– Компактный детектор лжи?

– Бери выше! Это кошмар полицейских Европы и Америки! Новое оружие скрытого ношения, взятое на вооружение многими террористами. Вместо электронной начинки в корпус встроены четыре ствола калибра 5,6 миллиметра, – Беляев приосанился, словно изобретение принадлежало лично ему. – Для выстрела достаточно нажать на любую из четырех клавиш, от «пятерки» до «восьмерки».

– И далеко бьет? – заинтересовался Бондарь, внимательно рассматривая чудо-телефон и испытывая непреодолимое желание ткнуть в одну из названных кнопок.

– Убойная сила до двадцати метров. – Беляев отобрал мобильник и отложил его подальше. – По нашим сведениям, изделия штампуют где-то на Балканах. Теперь представь себе панику среди бодигардов высокопоставленных персон или охранников аэропортов. Не станут же они брать на мушку каждого, кто держит в руке сотовый телефон?

– Не станут, – согласился Бондарь, после чего кивнул на мобильник. – Это для меня?

– Нет, к сожалению, – погрустнел Беляев, но, мгновенно оживившись, потащил гостя к включенному компьютеру. – Смотри! – он щелкнул пальцем по монитору. – Как тебе это?

– Экран излучает что-то вроде лучей смерти? – догадался Бондарь, держась на всякий случай чуть сбоку.

– Что за нелепая идея! На снимок смотри. Нравится?

С экрана смотрел угрюмой наружности мужчина лет тридцати. Щетина, покрывающая нижнюю половину его лица, была такой же густой и короткой, как та, которая топорщилась на голове. Чуть раскосые черные глаза глядели по-волчьи, между бровями пролегла глубокая складка.

– Мрачный тип, – прокомментировал наклонившийся к монитору Бондарь.

– Это ты! – торжествующе воскликнул Беляев.

– У меня нет залысин.

– Сейчас появятся. Соответствующие контактные линзы подобраны, уголки глаз подтянем с помощью несмываемого клея, – отступив на шаг, Беляев сверил копию с оригиналом. – Это просто замечательно, что ты явился небритым. Будешь в точности, как наш типаж. – Новый щелчок по фотографии на экране.

Бондарь пожал плечами, не разделяя восторгов Беляева. Было нетрудно представить, какое угнетающее впечатление он станет производить на окружающих после перевоплощения. Вот он входит в комнату, а присутствующие, только что ведшие оживленную беседу, моментально замолкают. Прохожие, к которым он обращается на улице, цепенеют, как кролики перед удавом, детишки прячутся за спины родителей, женщины спешат отвести взгляд.

Нечто подобное происходило полтора месяца назад, когда Бондарь был раздавлен обрушившимся на него горем. Его семья погибла в автокатастрофе, и смириться с этим было все равно, что свыкнуться с ампутацией жизненно важных органов. Теперь Бондарь немного оклемался, но не совсем. Девушка, пробывшая рядом с ним два дня, уехала из санатория, грустно признавшись на прощание: «Знаешь, я начинаю тебя бояться. Ты не человек, а робот. У человека не бывает всю жизнь одинакового выражения лица».

А если человек потерял любимую жену и четырехлетнего сынишку?

– К такой физиономии напрашивается траур, – заметил Бондарь, неодобрительно поглядывая на фотографию.

– Ошибаешься, – заявил Беляев. – Костюмчик тебе подберем яркий. Сыграем на контрасте, а?

– Как знаешь.

Ответом был взгляд, полный упрека. Беляев не одобрял подобного безразличия. Ведь он привык уделять внимание каждой детали, каждой мелочи.

– Я должен тебя измерить, – буркнул он.

– Валяй.

Бондарь находил все эти ухищрения бесполезными. Внешним обликом нынче никого не введешь в заблуждение. Маскировка годится лишь в том случае, когда тобой не интересуются профессионалы. Но если они тобой не интересуются, то к чему маскарад? Лишь для того, чтобы потешить самолюбие тех, кто занимается планированием и подготовкой операций? Чтобы не нарушать общепринятые правила игры?

– Пиджак пятьдесят второго размера, брюки – сорок восьмого, – подвел итог Беляев, убирая портновский метр. – Третий рост. Оружие носишь слева?

– Естественно, – ответил Бондарь. – У меня «Вальтер», наградной.

– ППК?

– Кому нужно это старье? Р-99.

Беляев присвистнул. Он знал модель «Вальтера», о которой шла речь. Удобный, легкий, плоский пистолет, в трехсантиметровой рукоятке которого помещается магазин на шестнадцать патронов. Такую вещицу можно носить целый день, не привлекая к себе внимания.

– Дай подержать, – попросил Беляев.

– Он заряжен, – предупредил Бондарь.

– Ха, стал бы ты таскаться с заряженной пушкой! – Беляев перетаптывался на месте, как человек, нетерпеливо дожидющийся очереди в туалет. – Ну дай, будь другом. Я прежде «девяносто девятый» только в кино видел.

Бондарь неохотно протянул «Вальтер», держа его вперед рукояткой.

Резко скошенная под углом 110 градусов, она увеличивала общую длину пистолета до восемнадцати сантиметров, хотя сам ствол был почти в половину короче.

– Очень удобно, – одобрил прищурившийся Беляев, переводя ствол с предмета на предмет. – Рука сама делает правильный захват, автоматически. То, что надо для скоростной стрельбы.

– Еще приходится целиться и время от времени нажимать на спусковой крючок, – заметил Бондарь, завладевая оружием и убирая его за пазуху.

Вздыхнув, Беляев сходил в соседнюю комнату, принес ворох одежды и велел переодеваться. Пять минут спустя Бондарь предстал перед ним облаченный в лимонную «водолазку», великоватый серый пиджак в крапинку и черные брюки, собравшиеся внизу в гармошку.

– Не пиджак, а балахон, – проворчал он, набычившись перед зеркалом. – И расцветка какая-то рябокозельчатая.

– Считай это своим рабочим комбинезоном, – сказал Беляев.

– Для разгребания дерьма...

– Да уж не для выращивания цветочков.

Бондарь одернул полы пиджака, подвигал плечами, покрутил головой:

– И куда я теперь – в таком виде?

– Через дверь налево, – безмятежно ответил Беляев. – Глазки сменишь, причесочку. Потом прямиком ко мне. Щелкну тебя для документиков и выдам остальную экипировочку.

– Клоунский парик? Накладной нос? Ручной протез в черной перчатке?

– Такого добра не держим-с.

– Тогда о какой экипировке ты толкуешь? – взъярился Бондарь. – Тебе этого мало? – Он оттянул ворот вызывающе яркой «водолазки».

– Наплечная кобура...

– Я не пользуюсь кобурой!

– Наплечная кобура, – продолжал перечислять Беляев, – приличные туфли, пальтецо. Ну и всякая мелочовка, положенная тебе по легенде.

– Кстати, о легенде, – Бондарь схватил собеседника за локоть и привлек его к себе поближе. – Кого ты из меня лепишь? И куда меня собираются запихнуть?

– Есть одна подходящая дыра в северо-восточной части Европы, – прозвучало в ответ. – Охрененно независимое государство, расположенное на южном берегу Балтийского моря. – Беляев закрыл глаза, словно декламировал любимое стихотворение, но тон его был сух и невыразителен. – Граничит с Латвией на юге и с Россией на востоке. На севере омывается Финским заливом, на западе – Рижским. Доволен?

– Это я и без тебя знаю, – разочарованно проворчал Бондарь.

– А раз знаешь, то зачем морочишь мне голову? – возмутился Беляев. – Ступай стрись. Я тебя жду.

Бондарь вышел, а минут сорок спустя вернулся совершенно преобразившимся. Чувствовал он себя крайне глупо. Как будто собрался на карнавал, вместо того чтобы заниматься серьезными делами.

– Ну вот, – удовлетворенно сказал Беляев. – Теперь тебя родная мама не узнает.

– Не узнает, – подтвердил Бондарь. – У меня нет мамы.

Глава 3

Воде из-под крана – живой и мертвой

При виде возвратившегося Бондаря Алтынникова закусил губу, но от комментариев воздержалась. Просто утопила кнопку переговорного устройства и доложила:

– Капитан Бондарь прибыл, Василий Степанович.

– Пусть войдет, – откликнулся из динамика металлический голос.

Переступив порог, Бондарь замер. Роднин в своем неизменном синем костюме с квадратными плечами стоял у окна, выходящего на полоскаемую ливнем площадь. Не оглядываясь, предложил:

– Присаживайся, капитан.

И лишь после того как Бондарь занял свое место за приставным столом, Роднин покинул свой наблюдательный пост и опустился в кресло.

– Хорошо выглядишь, – сказал он, уделив молчаливому осмотру подчиненного никак не меньше трех минут.

– Да, наряд что надо, – буркнул Бондарь. – Хоть ларек у трех вокзалов открывай. Или цех по производству сосисок.

– Считаю, что ты это сделал еще лет пять назад, – усмехнулся Роднин. – Твой частный бизнес давно налажен, обеспечивая тебе не слишком большой, но стабильный доход. В настоящий момент ты находишься примерно на половине пути к первому миллиону.

– Тогда надо срочно арендовать какой-нибудь гараж и заняться подпольным изготовлением водки, – задумчиво произнес Бондарь. – Чтобы ускорить процесс. Глядишь, уже к концу года миллион будет у меня в кармане. Соответствующее пальто мне выдали. Длинное такое, гороховое.

– Это еще что. С сегодняшнего дня в твоём распоряжении находятся также солидная иномарка, набор кредитных карточек и... красавица-жена.

Бондарю показалось, что он ослышался.

– Какого черта, товарищ полковник?

– Не забывайся, капитан. Все-таки ты находишься не на форуме представителей малого и среднего бизнеса, а в кабинете своего непосредственного начальника. – Покосившись в сторону окна, Роднин счел нужным уточнить: – На Лубянке.

– Сегодня все изъясняются со мной загадками, – пожаловался Бондарь. – Как сговорились, честное слово. Могу я узнать, что происходит? А то как в той поговорке получается: «Без меня меня женили».

– Надо будет – не только женишься, но и гражданство сменишь, как миленький. – Чувствуя, что перегибает палку, Роднин добавил: – Правда, пока в этом нет необходимости. Никаких особых жертв от тебя не потребуется. Героизма – тоже. Хватит с нас тех дров, которые ты в прошлом месяце наломал.

– Я действовал исключительно в интересах дела. Исходя из оперативной обстановки.

– Знаем мы, как ты действовал. Труп на трупе, в пору анатомический театр устраивать. Но хорошего понемногу. – Пригладив белый пух, заменявший ему волосы, Роднин оперся на широко расставленные локти. – Начинаются трудовые будни. Без пальбы и гонок на выживание.

– Зато с новой женой и в гороховом пальто, – пробормотал Бондарь.

– Не перебивай!

Стараясь не слишком вдаваться в технические подробности, полковник приступил к сути дела.

Итак, жил-был на свете некий профессор Сергей Николаевич Виноградский, доктор микробиологических наук, выведший уникальный вид бактерий, способных выживать и активно размножаться в хлорированной среде.

Например, в воде из-под крана. Ведь почему она такая мутная и так плохо пахнет? Да потому, что в ней содержится хлор, придающий воде «бассейный» привкус. Тот самый хлор, который неоднократно применялся как боевое отравляющее вещество. Галогенный газ желто-зеленого цвета с резким запахом, легко сжижающийся под давлением. Опаснейший яд, смертельный не только для человека, но и для всевозможных вредоносных бактерий.

Мнение специалистов по этому поводу разделялось. Одни считали, что минимальная концентрация хлора в водопроводе абсолютно не опасна для здоровья. Другие утверждали, будто бы это приводит к образованию трихлорметана или хлороформа, который способствует возникновению раковых опухолей. Виноградский в подобных дискуссиях не участвовал. Его абсолютно не волновало, как хлор влияет на человеческий организм, в том числе на его собственный. Он сосредоточился на проблеме выживания бактерий, она была успешно разрешена.

Свое открытие Виноградский сделал еще в бытность СССР, но тут грянула перестройка, не оставившая камня на камне от лаборатории НИИ, которой заведовал бактериолог. Секретные помещения сдавались в аренду, уникальное оборудование превращалось в лом цветных и драгоценных металлов, архивная документация – в макулатуру, ученые – в нищих, лишенных средств к существованию. Помыкавшись в разгромленном институте, потыкавшись в двери кооперативов и международных инвестиционных корпораций, Виноградский совсем упал духом, стал попивать, опустился. Жена, видя, что от такого неудачника толку мало, спешно развелась с ним, разменяла квартиру и выскочила замуж за кого-то предприимчивого. Кроме того, в результате темных юридических махинаций Виноградский лишился московской прописки, так что был вынужден переехать в Эстонию, где проживали его родители.

– Ныне покойные, – подытожил Роднин.

– То есть у него теперь эстонское гражданство, – предположил подавивший зевок Бондарь.

– Отнюдь. Гражданство у Виноградского нормальное, российское.

– Чего он от нас хочет?

– *Мы* от него хотим, *мы*, капитан, – Роднин озабоченно нахмурился. – Дело в том, что Сергей Николаевич не долго сидел сложа руки. Самостоятельно изучил английский язык, стал пописывать научные статьи для зарубежных изданий. Платили ему неплохо, он помаленьку встал на ноги...

– И возобновил исследования в области бактериологии, – продолжил Бондарь.

– Не совсем так. Подобные исследования требуют немалых капиталовложений. Но у Виноградского сохранились старые наработки, и недавно он решил воспользоваться ими. Его последняя статья обещает вызвать в научных кругах настоящую сенсацию.

– Обещает? Значит, она пока что не опубликована?

– Вот именно, – подтвердил Роднин. – Текст статьи был отправлен по электронной почте и перехвачен нашими специалистами. Виноградский утверждает, что способен превратить обыкновенную водопроводную воду в оружие массового поражения. Мол, некогда выведенные им бактерии представляют собой угрозу не меньшую, чем нейтронная бомба. Благодаря им вода, льющаяся из миллионов кранов городских квартир, становится ядом замедленного действия.

– Ему, должно быть, хорошо заплатят за эту статью, – процедил Бондарь. – По высшему разряду.

– А потом потребуют подробного научного обоснования, – кивнул Роднин.

– И возьмутся за него как следует...

– И перетащат в Пентагон...

- Если первыми не появятся посланники Бен Ладена...
- Или Масхадова...

Офицеры ФСБ знали, о чем говорили. Сколько их уже таких было – непризнанных гениев, мечтающих о Нобелевской премии и всемирном признании. Но каждое значительное открытие оборачивается драмой. Ученых убивают, подкупают, похищают, шантажируют, сажают за решетку, а потом результаты их исследований становятся всеобщим достоянием и эстафета переходит к идущим следом.

– Теперь ты понимаешь, как нам важно опередить всевозможных конкурентов и вернуть Виноградского на родину, – заговорил Роднин после значительной паузы. – Такие умные головы на дороге валяются. Либо бактерии Виноградского будут работать на нас, либо против нас, третьего не дано. Предлагай Сергею Николаевичу все, что хочешь: персональную дачу, квартиру, лабораторию, Государственную премию...

– И он все это получит? – недоверчиво спросил Бондарь.

– На месте разберемся. Главное – убедить его перебраться в Россию. Пусть моральная сторона дела тебя не смущает. По существу, Виноградский готовится выдать государственную тайну, поскольку свои исследования он проводил у нас, а не в Эстонии. Чтобы возвратить его, годятся любые средства. Или он одумается, или...

Роднин не закончил.

– «Или» тоже входит в мои обязанности? – тихо спросил Бондарь.

– Представляешь, что может случиться, если какая-нибудь сволочь запустит бактерии в водохранилище Москвы или любого другого крупного города?

– Это не ответ, товарищ полковник.

– Считаю это ответом, – жестко сказал Роднин. – В настоящий момент Виноградский проживает в Пярну. Если он предпочтет остаться там, то помешать ему мы не сможем. Но в этом случае пусть он остается там навсегда. – Рука полковника взяла со стола конверт и бросила его Бондарю.

– Письменный приказ? – изумился он.

– Ага, с печатями и подписями, – хохотнул Роднин. – Ты в своем уме, капитан?

– Тогда что здесь? – Бондарь повертел конверт, пробуя его на ощупь. – Я могу взглянуть?

– Дома взглянешь. Я велел подготовить сведения, которые могут тебе пригодиться в работе. Кроме того, в конверт вложена копия личного дела Виноградского. Правда, последний период его жизни в Пярну освещен довольно скупо.

– Пярну... Это, кажется, курорт на берегу Балтийского моря?

– Летом – курорт, – подтвердил Роднин. – А зимой это просто захолустный городишко на шесть тысяч жителей. Сосны, белый песочек, крохотные домики, уличные сортиры с окошками в виде сердечек. – Роднин мечтательно крякнул. – Одним словом, рай для молодоженов.

– Не понимаю, – пробормотал Бондарь, – чем могут заниматься молодожены в такой дыре?

– Известно чем. Неужели забыл? Впрочем, скоро у тебя появится возможность освежить память. Ты ведь с сегодняшнего дня женат, капитан. – С этими словами Роднин утопил кнопку селектора и, не дав Бондарю опомниться, распорядился: – Веру Савич ко мне, живо!

Глава 4

План свадебного путешествия

Бондарь приблизительно представил себе, какой окажется его напарница. Судя по намеку секретарши, она бывшая проститутка, а этим все сказано. Развязная, лживая и порядком потасканная девица с рыбьими глазами, оживляющимися только в тех случаях, когда речь заходит о деньгах. Голос наверняка прокурен, лобик узок, лобок колюч, как щетинистый подбородок забулдыги, в запасе имеется пара-тройка душщипательных историй о том, как она, несчастная, очутилась на панели. На самом деле причина всегда одна и та же: баксы, бабло, лавэ, капу-ста. Продажная тварь – она и есть продажная тварь.

Бондарь напряженно размышлял над доводами, которые могли бы убедить полковника избавить его от такой спутницы, когда дверь открылась, выпуская Веру Савич.

Первое, что бросалось в глаза, – это ее прямые иссиня-черные волосы, подстриженные как у древнеегипетских танцовщиц на стенных росписях. Из-за пышной прически ее фигура казалась особенно изящной – статуэтка, а не фигура. Золотистый пояс, охватывающий талию девушки, был всего на пару сантиметров просторней собачьего ошейника.

– Можно, Василий Степанович? – спросила она низким, но при этом удивительно бархатистым голосом.

– Проходи, Вера, – гостеприимно повел рукой Роднин. – Располагайся напротив своего суженого.

Выразительно хмыкнув, девушка неспешно двинулась вперед, демонстрируя выучку вышколенной манекенщицы. Когда Бондарь наблюдал подобные маршеобразные дефиле по телевизору, он только морщился, спеша переключиться на другой канал, но в действительности это смотрелось совсем по-другому. Мерно вскидывая и опуская стройные ноги в высоких замшевых ботфортах, Вера шла по ковру, как по подиуму, переводя взгляд с мужчины на мужчину. Ее походка была одновременно вызывающей и неприступной. «Ты, конечно, можешь попытаться счастья, – говорила Вера всем своим видом, – но если ты не супермен и не Джеймс Бонд, то тогда лучше держись от меня подальше».

Дойдя до стола, она застыла, как вкопанная, – лишь большие серьги продолжали раскачиваться из стороны в сторону.

– Присаживайся, – предложил Роднин, наслаждаясь произведенным Верой эффектом. – Знакомьтесь, – он взглянул на напрягшегося Бондаря. – Обращаться к друг другу исключительно по именам и на «ты». Задача ясна?

– Вера, – произнесла опустившаяся на стул девушка. Вблизи ее лицо оказалось довольно вульгарным, но держалась она по-прежнему надменно, воображая себя чуть ли не Клеопатрой.

– Евгений, – буркнул Бондарь.

– То есть Женя?

– Ты удивительно сообразительна для девушки по вызову.

– Что ты себе позволяешь? – возмутилась Вера. – Хам! Мужлан!

– Да ладно тебе кочевряжиться, – поморщился Бондарь. – Тоже мне, царица Савская выискалась. Не-фер-ти-ти.

Привлекая к себе внимание, Роднин хлопнул ладонью по столу.

– Отставить грызню! – прикрикнул он. – Отныне вы муж и жена, так что будьте любезны вести себя подобающим образом.

– Вообще-то настоящие супруги как раз только и делают, что скубуются, – примирительно заметила Вера. Ее взгляд, брошенный на Бондаря из-под чинно опущенных ресниц, был быстр и злопамятен.

– Но не молодожены, – пресек прения Роднин. – Теперь вот что. – Он повернулся к Бондарю. – Девушку нашу не обижай, она человек проверенный, надежный.

– И никакая не проститутка, – вставила Вера.

– Не проститутка, – подтвердил Роднин. – Мисс Краснодар две тыщи, между прочим. Спонсоры конкурса ей карьеру топ-модели пророчили, а сами в стамбульский бордель заманили. Ее наши парни оттуда вытащили.

«А теперь она свое счастливое спасение отрабатывает», – подумал Бондарь. Подумал, но язык придержал. О нравах, царящих в подпольных борделях, он был наслышан. Угодившим туда девушкам можно только посочувствовать. Правда, большинство из них попадают в ловушку в погоне за красивой жизнью, но это уже частности.

– Тема закрыта, товарищ полковник, – произнес Бондарь.

На смугловатом Верином лице не отразилось никаких эмоций. Сочные губы, покрытые вишневой помадой, сохраняли полную неподвижность. Взгляд, устремленный в окно за спиной Бондаря, казался невидящим. Причиной тому могла быть обида. А может быть, она просто внимательно слушала инструктаж, начатый Родниным.

Полковник явно чувствовал себя не в своей тарелке, хотя старался держаться уверенно. Будучи по натуре формалистом, он страдал от необходимости действовать в обход обычных формальностей.

При проведении операции в обязательном порядке должен иметься заранее составленный план. В нем расписываются все этапы и варианты операции, а к нему прилагается так называемая «легенда»: своеобразный сценарий спектакля, который будет разыгрываться в случае провала. План не может быть утвержден без скрупулезного просчета материального обеспечения операции: автотранспорт, денежные средства (вплоть до оплаты бензина), питание, вооружение, средства связи и многое другое.

После того как документ обзаводится визами вышестоящего начальства, на основании утвержденного плана издается письменный (никак не устный) приказ о проведении «мероприятия». Перед непосредственным началом операции подается опять же письменный доклад о степени готовности сотрудников. После окончания операции пишется подробная докладная записка, составленная на основе отчетов непосредственных исполнителей. В этом документе определяются положительные итоги и просчеты, поощряются отличившиеся, указываются провинившиеся. Затем готовится приказ о списании материальных ценностей, израсходованных или уничтоженных в ходе операции.

И это еще далеко не все. Если ФСБ взаимодействует с другими структурами, такими, как МВД, ГРУ, МИД или МЧС, то это уже совместная операция, и о ее проведении информируются соответствующие руководители. В подобных случаях составляется совместный план, подписываемый руководителями всех ведомств.

Таким образом, действуя в рамках формального законодательства, ФСБ обрекала себя на барахтанье в нескончаемом бумажном ворохе, которому не видно ни конца, ни края. В Федеральном законе «О Федеральной службе безопасности» говорилось, что деятельность органов ФСБ «осуществляется в соответствии с Законом РФ «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации», уголовным и уголовно-процессуальным законодательством, а также настоящим федеральным законом». При этом все чекисты, от самого верха до самого низа, должны были постоянно помнить о существовании 5-й статьи Закона, за соблюдением которой ревностно следили все, кому не терпелось обвинить ФСБ во всех смертных грехах. Статья призывала неукоснительно соблюдать права и свободы человека и гражданина при осуществлении любых видов оперативно-розыскной деятельности. Другими словами, каждый сотрудник должен был носить с собой не только пистолет, но и Конституцию, дабы не ущемить ненароком свободы всевозможных шпионов, диверсантов, наркодиллеров, террористов и просто изменников родины.

Доходило до абсурда. Арестованным предателям полагался адвокат, ограждающий их от всевозможных злоупотреблений со стороны правоохранительных органов. Многие из таких, с позволения сказать, адвокатов являлись тайными осведомителями иностранных разведок. Они не только выведывали имена, должности и служебные телефоны сотрудников ФСБ, но и всячески вставляли палки в колеса следствию. Не успевали чекисты довести работу до логического завершения, как против них заводились уголовные дела. Например, за террориста, получившего при задержании фингал под глазом, вступалась Генпрокуратура. Или какой-нибудь педераст из модной тусовки жаловался журналистам, что на Лубянке оскорбляют его честь и достоинство.

Соблюдать законность в подобных условиях было делом нелегким, но ревностные служаки, вроде полковника Роднина, страдали всякий раз, когда приходилось преступать букву закона. А предстоящая операция так или иначе выходила за рамки уголовно-процессуальных норм, поскольку эти нормы утверждались людьми, весьма далекими от понимания оперативной деятельности.

Итак, капитану ФСБ Бондарю и внештатной сотруднице Вере Савич предписывалось отправиться в Эстонию на машине под видом четы Спицыных, совершающих свадебное путешествие. Конечным пунктом их поездки являлся город Пярну, находящийся примерно в 850 километрах от Москвы.

Интересующий их бактериолог Виноградский обосновался в довольно просторном доме, верхний этаж которого регулярно сдавался курортникам. Зимой туристы в Пярну были большой редкостью, но молодожены изредка появлялись, так что приезд Спицыных не станет чем-то из ряда вон выходящим. Благополучная пара, решившая насладиться отдыхом вдали от цивилизации, – что может быть естественней? Туристическое агентство уже связалось с Виноградским и заключило с ним соответствующий договор. Он получил аванс и ждал приезда Спицыных со дня на день.

* * *

– Зимой в Пярну, – говорил Роднин, – каждый чужак на виду, но молодожены не должны вызвать никаких подозрений. Тем не менее не забывайте, что вы постоянно будете находиться в центре всеобщего внимания.

– Это единственная причина, по которой вы отправляете нас вдвоем? – спросил Бондарь.

– Нет, капитан. Если тебе не удастся воздействовать на ученого силой убеждения, то в ход пойдут женские чары твоей напарницы. – Роднин подмигнул Вере. – Мы специально подыскали такую колоритную красавицу. Когда-то Виноградский отдавал предпочтение именно брюнеткам.

– А теперь, небось, совсем затосковал среди натуральных блондинок, – предположила Вера.

– Хочется надеяться.

– Посмотрите на меня, – предложил Бондарь. – Захочет ли связываться пожилой мужик с таким типом, как я? Рискнет ли он подбивать клинья к моей жене? Может, мне лучше сменить образ? Очки, животик, козлиная бородка...

– В этом нет необходимости, – заверил его Роднин. – Как только станет ясно, что обычные методы вербовки не срабатывают, вы закатите шумный скандал, после которого разбившийся муж, то бишь ты, уедет из Пярну, бросив жену на произвол судьбы.

– Но нам было велено изображать из себя влюбленных голубков.

– Иногда даже влюбленные голубки превращаются в разъяренных тигров, – многообещающе произнесла Вера. – Сначала полный штиль, а потом вдруг – хоп! – буря. Вот это я понимаю!

Бондарь подумал, что сцена скандала получится весьма эффектной и убедительной. Жители Пярну еще долго будут вспоминать чету Спицыных, если придется действовать по такому сценарию. Хмуря брови, он высказал свои соображения по этому поводу:

– Веру нельзя оставлять один на один с Виноградским. В тихом омуте черти водятся.

– Еще какие! – похвасталась она. – А ты что, уже ревнуешь, муженек?

– Омут – это Пярну, – пояснил поморщившийся Бондарь. – В курортном городишке вполне могут оказаться представители других спецслужб, заинтересовавшихся открытием Виноградского. С тех пор как Эстония вошла в состав НАТО, страна превратилась в проходной двор для западных разведок. Тамошние правоохранительные органы являются филиалами ЦРУ, не более того. Я не удивлюсь, если вмешается эстонская полиция, которой ничего не стоит упечь русских в кутузку.

– Ты совершенно прав, капитан, – согласился Роднин. – Именно поэтому вести себя нужно так, чтобы комар носа не подточил. Второй ваш козырь – внезапность. Выезд сегодня ночью. – Роднин сверился с часами. – Машину со всеми необходимыми документами подгонят к твоему дому не позже двадцати двух ноль-ноль. А ты думал, я вытащил тебя из санатория просто так, из вредности?

– Девушка знает мой адрес? – спросил Бондарь, не удосужившись взглянуть на Веру.

– Зачем мне твой адрес? – усмехнулась она. – Поедем к тебе вместе. Мы ведь отныне не разлей вода...

– Не пришей рукав...

– Капитан! – взорвался Роднин. – Изволь держаться в рамках приличия!

– Я, конечно, могу и на вокзале подождать, – произнесла Вера с тем ханжеским видом, который легко дается женщинам с сомнительным прошлым. – Или на скамейке. Сейчас не очень холодно. Дождь, правда, но это не беда. Любящий супруг снабдит меня зонтиком, да, Женя? Ты не переживай, я расписку напишу.

Роднин шарахнул кулаком по столу, однако повысил голос не сразу, а заговорил поначалу так, словно опасался подслушивания:

– Если операция сорвется из-за таких вот идиотских выходок, вы мне за это заплатите! Дорого заплатите. Оба. Что за детский сад, честное слово! Мужик и баба не могут общий язык найти – смешно сказать! Марш домой, супруги Спицыны! И чтобы впредь без этих своих штучек!

Конец этой тирады был поистине оглушительным.

Дверь в кабинет начальника оперативного отдела была звуконепроницаемой, но Бондарю, вывалившемуся в приемную, показалось, что устремленный на него взгляд секретарши полон издевки. Наклонив голову, он зашагал вперед так стремительно, что частый перестук Вериных каблучков слился в настоящую барабанную дробь. Бондарь не возражал бы, чтобы они сломались к чертовой матери, эти каблучки. Заодно с едва поспевающими следом ногами.

Глава 5

Закурим перед стартом

Первое, чем поинтересовалась Вера Савич, перешагнув порог холостяцкой квартиры – это месторасположение ванной комнаты. Туда она и удалилась, прихватив свою большую спортивную сумку. Словно подозревала, что Бондарь станет тайком рыться в ее вещах.

Стараясь не заводитьсь, он занялся своими собственными вещами, которые остались не распакованными после путешествия в Подмоскowie.

Гадая, достаточно ли будет спрятать оружие среди вороха одежды или лучше воспользоваться более надежным тайником, Бондарь разрядил «Вальтер», вытащил обойму и стал проверять, насколько удобна выданная ему кобура. Сунув пистолет под левую полу расстегнутого пиджака, он резко выхватил его, наведя ствол на выключатель. Так повторялось несколько раз, причем цель постоянно менялась. Опыты выявили, что с доставанием оружия проблем не будет. Правда, целился он на пару сантиметров выше, чем следовало, но неточность была вызвана тем, что без обоймы «Вальтер» сделался гораздо легче. Прodelав опыт с заряженным магазином, Бондарь убедился, что кобура несколько не мешает скоростной стрельбе навскидку.

Он обнаружил также, что, стоя напротив трюмо в прихожей, целится из «Вальтера» в свое застывшее отражение. «Забавно, – подумал Бондарь, – не спеша опускать ствол». Именно таким видели его те, в кого ему доводилось стрелять. Это было их последним впечатлением, которое они уносили в мир иной. Тридцатилетний мужчина на чуть согнутых, широко разведенных ногах, со вскинутой правой рукой и отведенной в сторону левой.

Небранный тридцатилетний мужчина, ведущий себя, как безусый юнец.

Смутившись, Бондарь поспешил убрать «Вальтер». Он здорово изменился с тех пор, когда упражнялся перед зеркалом с первым в жизни табельным оружием. Если бы *тот* Женя Бондарь увидел себя повзрослевшим и слегка загримированным, захотел бы он стать таким же? Узнал бы он себя в этом человеке с холодным циничным взглядом, шрамом на подбородке и безжалостной линией губ?

В молодости многое виделось в романтическом ореоле. Представления о мужестве формировались под воздействием кино и беллетристики. С годами многие иллюзии рассеялись. Карающий меч правосудия оказался на проверку тяжелым и неповоротливым, доспехи рыцарей без страха и упрека были покрыты ржавчиной и кровью, потускневшие девизы на их щитах мало соответствовали действительности.

Очень немногие из коллег Бондаря отваживались открыто признаваться в своей причастности к ФСБ. Если о них писали, то не как о героях, а как о провокаторах, жандармах, шпионах или диверсантах. Даже вполне нейтральные слова «контрразведчик» и «сотрудник спецслужб» вызывали брезгливые гримасы окружающих. Оно и понятно. Почти все игры, в которые играли мужчины этой профессии, были слишком грязными, чтобы вестись в открытую.

– Таких не берут в космонавты, – подытожил Бондарь, покидая прихожую. Никакого сожаления по этому поводу он не испытывал. Пусть сетуют на свою судьбу неудавшиеся коммерсанты и состоявшиеся бандиты, спивающиеся спортсмены и преуспевающие альфонсы. Что касается Бондаря, то он выбрал иной путь и намеревался пройти по нему до самого конца, каким бы тот ни был.

С удовольствием переодевшись в домашние джинсы и майку, он отправился на кухню. Она, как и остальные комнаты, содержалась в идеальной чистоте. Уборки не составляли большого труда. Перед отъездом в санаторий Бондарь вывез на дачу почти все, что напоминало о прежней семейной жизни. После этого в полупустой квартире завелось эхо, но зато отсюда

исчезли призраки прошлого. Бондарю хотелось верить, что им будет гораздо уютнее у Наташиных родителей. Он устал от призраков. Ведь сам он пока что числился среди живых, а не мертвых.

* * *

Вскрыв банку сардин, Бондарь покромсал батон, сыр, поставил на плиту чайник. Приступив к трапезе, он невольно поглядывал на светящееся окошко ванной комнаты, за которым не смолкал плеск воды. Сколько можно купаться? Свидетельствует ли это о необыкновенной чистоплотности Веры или наоборот?

Словно почувствовав, что о ней вспомнили, она подала голос:

– Эй ты, за мной соскучился, любимый?

– Угу, – откликнулся жующий Бондарь. – Безумно. Но можешь не торопиться. Я все понимаю.

– Что ты понимаешь?

– Тебе не часто удается дорваться до горячей воды, я угадал?

Вместо того чтобы оскорбиться, Вера засмеялась и даже что-то уронила. Судя по звуку, предмет был металлическим. Оставалось надеяться, что это не бритвенный станок.

– Я скоро, – весело крикнула она. – Ты меня покормишь? Ужасно есть хочется.

– Закатить пир на весь мир не обещаю, но думаю, что ты останешься довольна угощением. – Сделав такое заявление, Бондарь налил себе чаю и принялся фантазировать на кулинарную тему. – Мы начнем с икры на хрустящих тостах, затем будет говяжье филе с кровью под беарнским соусом и, наконец, мякоть артишока с майонезом. На десерт клубника со сливками.

– Ох, ни фиги себе! – Вера опять что-то уронила.

– Обычное дело, – заверил ее Бондарь. – Я не ограничиваю себя, когда речь идет о простой и здоровой пище. Кстати, пить будем «Блан де Блан Брют» прошлого года.

– Что-что?

– Шампанское.

– Ух ты! – восхитилась Вера. – А ты, оказывается, не такой зануда, каким показался вначале. Давай устроим романтический ужин, а? У тебя есть свечи?

– Геморроем не страдаю, – буркнул Бондарь.

– Не слышу!

– Свечи уже горят!

– Бегу!

Через несколько секунд Вера и в самом деле появилась на кухне. Посвежевшая, в длинной футболке на голое тело, со сверкающими глазами, полускрытыми бахромой мокрых волос, она смотрелась неплохо... до тех пор, пока не увидела, что представляет собой обещанный романтический ужин. Сказать, что выражение Вериного лица резко изменилось, значит, ничего не сказать. Бондарь заподозрил, что его шутка оказалась жестокой, но отступить было поздно.

– Присаживайся, – любезно предложил он. – Правда, я уже отужинал, так что обойдешься без компании. Тряпка на раковине, мусорное ведро в мойке. Приятного аппетита.

Ни единой реплики в ответ. Только ледяной взгляд, после которого душ, принятый Бондарем, показался ему не таким уж холодным.

Как выяснилось после выхода из ванной, Вера тоже оказалась гораздо на сюрпризы. Поскольку супружеская и детская кровати были вывезены на дачу, лежать в доме Бондаря можно было только на диване, который гостя, собственно говоря, и заняла. Без футболки.

– Ничего, что я так, по-домашнему? – невинно осведомилась она, повернувшись через плечо.

Спина у нее была узкая, но без выступающих позвонков. Кожа – смуглая. При взгляде на ягодицы, сверкающие в электрическом свете, можно было легко определить, купальник какого покроя носила девушка минувшим летом.

– Впереди почти тысячекилометровый пробег, – хрипло сказал Бондарь. – Я собирался вздремнуть перед дорогой.

– Почему так трагично? – невинно осведомилась Вера. – Во-первых, я тоже умею водить машину. Во-вторых, мы прекрасно поместимся вдвоем. Ужин при свечах не удался, но медовый месяц никто не отменял, верно?

Чувствуя себя персонажем какого-то дурацкого водевиля, Бондарь поставил рядом с диваном пепельницу, взял сигареты, зажигалку и растянулся на спине, делая вид, что его совершенно не интересует пристроившееся рядом тело.

– Я бы тоже закурила, – сказала Вера.

Перед ее носом возникла запечатанная пачка «Monte Carlo». Пришлось ей самой срывать целлофановую обертку и доставать сигарету. Успешно справившись с этой задачей, Вера попросила огонька. Зажигалка упала на диван.

– Спасибо, ты очень любезен, – сказала Вера, прикуривая.

– Травись на здоровье, – ответил Бондарь, забирая сигареты и зажигалку.

К потолку потянулись голубоватые струйки дыма.

– Ты выкуриваешь пачку в день? – осведомилась Вера.

– Две, – отрезал Бондарь.

Дымные струйки слились в зависшее над диваном облачко.

– Если ты хочешь, чтобы я распечатывала тебе по две пачки в день, то учти: делать это даром я не намерена.

– А ты вообще что-нибудь способна делать бесплатно? – съехидничал Бондарь.

– Ты будешь удивлен, но да, – спокойно ответила Вера.

– Что именно?

– Всякие пустяки, которые лично для меня ничего не значат.

Тут Вера перегнулась через Бондаря, чтобы стряхнуть пепел, завладев попутно и его сигаретой тоже, а дальше все произошло так быстро и так непринужденно, что он и опомниться не успел, как остался без джинсов, за которые, кажется, пытался цепляться. Правда, сопротивление его длилось ровно столько, сколько требуется времени для того, чтобы насадить на крючок наживку.

Раз! – и все свершилось без его участия.

Два! – Вера перекатилась на спину, вынуждая Бондаря занять позицию сверху.

Три! – Ее ногти впились в его поясницу, давая понять, что разлеживаться нечего.

А потом пошло-поехало – отнюдь не в темпе вальса.

Глава 6

Укрощение строптивой

Когда способность воспринимать окружающий мир вернулась к Бондарю, он обнаружил, что Вера преспокойно дымит сигаретой, будто все происходящее ее абсолютно не касается. Судя по столбику пепла, все произошло не просто быстро, а катастрофически быстро. Подтверждение этому не заставило себя долго ждать.

– Тебя хватило на полторы минуты, – сообщила Вера, свесившись с дивана в поисках пепельницы. Нижняя половина ее тела по-прежнему находилась под Бондарем.

– Ты засекала время? – удивился он, отстраняясь.

– Нет, просто считала про себя до ста. Надо же было чем-то себя занять.

– Зачем ты так? – спросил он.

– Решила отблагодарить тебя за шикарный ужин. Спасибо. Все было великолепно.

Притворно-кислая мина Веры свидетельствовала об обратном.

– Я почти две недели обходился без женщин, – брякнул Бондарь, хотя, вроде, не собирался оправдываться.

– Этим женщинам можно только посочувствовать. Ты такой напористый. Прямо не оставишь.

– Прекрати!

– А я еще и не начинала, – парировала Вера. – За тобой не утонишься, муженек.

Под ее напускным равнодушием сквозило плохо скрываемое превосходство. «Ничего, – мысленно пообещал ей Бондарь, – дай срок, я с тебя собою спесь! Ты у меня скоро запоешь по-другому».

Он стащил через голову майку, которая в данной ситуации смотрелась нелепо, сходил к столу и вернулся на диван с конвертом, прихваченным из управления.

– Ты хорошо сложен, – одобрительно хмыкнула Вера. – Надеюсь, в следующий раз мне удастся досчитать хотя бы до трехсот.

– Это очень просто, – заверил ее Бондарь. – Три раза по сто будет ровно триста. Тут главное не сбиться. Дошла до ста, загнула палец и начинай заново. Ну ты девушка грамотная, при желании справишься.

– Между прочим, я закончила педагогический институт, – выпалила Вера.

– Да-а? Значит, не только считать, но и читать умеешь. Держи. – Бондарь сунул ей несколько скрепленных страниц.

– Что это?

– Информация о стране, в которую мы направляемся.

– Очень надо! – негодуяще фыркнув, Вера приготовилась слезть с дивана.

– Ты куда? – придержал ее Бондарь.

– В ванную.

– Успеешь. Читай.

– Я хочу помыться!

– Обойдешься пока этим. – Бондарь швырнул ей скомканную футболку, которой предварительно воспользовался сам.

– С ума сошел? – возмутилась Вера. – Она же совсем чистая... Была.

– Ничего страшного, совместишь омывание с небольшой постирушкой. У нас... – Бондарь сверился с часами, – у нас в запасе два часа с лишним. Футболка высохнет на батарее. Так что читай, дорогая. Вслух.

– Надеюсь, не по стойке «смирно», товарищ капитан?

– Лежи, – милостиво разрешил Бондарь.

Ее монотонное чтение нагоняло зевоту. Да и что особенного представляло собой самое маленькое государство Балтии с площадью 45 000 квадратных километров? Полторы тысячи крошечных островов, тысяча озер, болота да торфяники, занимающие четверть территории. Все остальное – унылая плоская равнина, покрытая лесами. Узнав, что самая высокая гора Эстонии вознеслась на целых 318 метров над уровнем моря, Бондарь спросил себя: а есть ли в стране альпинисты, и если да, то водрузили ли они знамя на покоренной вершине?

– Ты меня совсем не слушаешь, – с упреком сказала Вера.

– Слушаю, – возразил уставившийся в потолок Бондарь, – очень даже внимательно.

– Ну и что я сейчас прочитала?

– Эстонское время опережает московское на два часа.

– А вот и нет, – торжествующе воскликнула Вера. – Они как раз от нас отстают. Зимой – на час, летом – на два.

– Медлительный народ, – заключил Бондарь. – Причем, как ни странно, выходит, что на морозе они ведут более активный образ жизни.

– У них не бывает морозов. Жары тоже не бывает. Средняя температура воздуха в январе, – Вера сверилась с текстом, – минус пять градусов. В июле – плюс шестнадцать. Такие плавные перепады вызваны сочетанием морского и умеренно-континентального климата.

– Везет же некоторым! Ни на зимнюю одежду не нужно тратить, ни на летнюю. Демисезонный народ – эти эстонцы.

– Чтоб ты знал, из полутора миллионов тамошних граждан триста тысяч наших, русских.

– Тридцать процентов православных на семьдесят процентов католиков, – подсчитал Бондарь.

Вера снова поднесла страницу к глазам:

– Нет там никаких католиков. Лютеране какие-то. Кто такие?

– В точности не знаю, но подозреваю, что это последователи Люцифера, – вдохновенно соврал Бондарь, пуская руку в путешествие по Верину телу.

Она вздрогнула:

– Разве такое может быть?

– Если в конституции записано, то запросто, – убежденно произнес Бондарь, продолжая обследовать выпуклости и впадины, попадающиеся ему на пути.

– Погоди, – отмахнулась Вера, – тут как раз самое интересное начинается. Эстонская крона, равная 100 сентам или центам, жестко привязана к евро...

– Чем?

– Отстань ты со своими глупостями!.. Окончательный переход на евро пока не произошел... Убери руку!.. Одна эстонская крона равна примерно одной шестнадцатой евро...

– Хорошая пропорция, – оценил Бондарь, подключая к исследованию вторую руку.

– Хватит меня лапать!.. Обменять деньги можно в банках и валютных пунктах при гостиницах, аэропортах и ав... автобусных станциях... ях-х... – Вера начала помаленьку задыхаться, хотя никуда не бежала, а лежала на диване, не совершая ни малейших физических усилий. – Во многих отелях, ресторанах и магазинах... принимаются к оплате все виды кредитных... кредитных карточек, так же широко рас... ах... распространены банкомат... ах-х... ты...

– Молодец. Твердая пятерка!

Выдав девушке столь высокую оценку, Бондарь взял ее – взял с таким остервенением, словно мечтал об этом моменте всю сознательную жизнь. Но на этот раз он не забывал контролировать себя, что очень скоро ощутила на себе Вера. Если она и пыталась считать, то хватило ее секунд на двадцать, не больше. О загибании пальцев не могло быть и речи – их то ли свело судорогой, то ли просто скрючило.

Вскоре из ее горла вырвался захлебывающийся вскрик, как будто она вынырнула на поверхность из затягивающего ее водоворота. Потом возгласы последовали один за другим, становясь все отрывистее, все отчаяннее. По искажившемуся лицу Веры можно было подумать, что ее пытаются. Бондарь поднажал, доводя ее сладкую муку до апогея. Она уже готовилась издать стон облегчения, когда он, не завершив начатое, принял упор лежа, а потом и вовсе поднялся с трепещущего тела. Надо отдать Вере должное, она цеплялась за Бондаря до последнего. Ее усилия оказались тщетными, он без труда высвободился из ее объятий.

– В чем... в чем дело? – резко спросила она, содрогаясь вовсе не от ярости, как это можно было заподозрить по ее пылающему взгляду.

– Я подумал, что ты все же сбилась со счета, – сказал повернувшийся к ней спиной Бондарь. – Лично я дошел до тысячи. Надо же было себя чем-то занять.

– Убирайся! – прошипела Вера.

Между лопаток Бондаря ударился ворох скомканной бумаги.

– Пойду поставлю чай, – сказал он, вставая.

– Нет! – от этого пронзительного крика задрезжали стекла.

– Ты до такой степени не любишь чай? Или, может, сильно обожглась кипятком в детстве?

– Останься, – голос Веры упал до шепота. – Пожалуйста.

Бондарь оглянулся. Ниже пояса начала скапливаться томительная боль, а она смотрела так умоляюще. Он остался. И пожалел об этом уже через несколько минут, когда получившая свое Вера в изнеможении выдохнула:

– Господи! Если бы ты только знал, как... как я тебя ненавижу...

Глава 7

От Москвы до самых до окраин

В четверть одиннадцатого ночи вещи новоявленных молодоженов Спицыных были распределены в салоне и багажнике вишневой «Ауди». Заняв передние сиденья, они тщательно проверили документы. Обоих приятно удивило, что стараниями неизвестных умельцев они сохранили свои настоящие имена и отчества. Правда, будь на то воля новоявленного Жени Спицына, он предпочел бы проделать предстоящее свадебное путешествие в полном одиночестве. Судя по выражению лица Веры, она испытывала аналогичные чувства. Хоть в чем-то их мнения совпадали. Это был не единственный отрадный факт. В бардачке нашлась подробнейшая карта автомобильных дорог Эстонии с описанием всех населенных пунктов, изданная в виде пухлой брошюры.

– Будешь моим штурманом, – пошутил Бондарь, решивший наладить отношения со спутницей.

– Тогда ты будешь моим личным шофером, – огрызнулась она.

Создавалось такое впечатление, что на диван в гостиной ее затащили силой. Это нервировало. Жест, которым Бондарь включил зажигание, был излишне порывистым.

– Пристегни ремень, дорогая, – проворчал он, прогревая мотор.

– Только после тебя, милый, – зло откликнулась Вера.

В отместку Бондарь рванул с места так резко, что она ударилась затылком о подголовник сиденья. «Ауди» попалась резвая, хотя изрядно потасканная. В точности, как некоторые шлюхи, мнящие себя Клеопатрами.

– Не ушиблась? – заботливо спросил Бондарь.

– Смотри на дорогу, – процедила Вера.

– Ты мне не указывай!

– Хочу – и буду.

– Та-ак! С меня хватит!

Машина затормозила еще более резко, чем стартовала. Вера, едва не клюнувшая носом приборную панель, прижалась к дверце. Ее взгляд был затравленным и вызывающим одновременно. Когда Бондарь протянул к ней руку, она вздрогнула. Продолжение было столь неожиданным, что она захлопала ресницами.

– Послушай, – увещевающе заговорил Бондарь. – Если мы будем продолжать в том же духе, то первая же встречная собака распознает в нас не влюбленных молодоженов, а заклятых врагов.

– Ничего не могу с собой поделать, – произнесла в ответ Вера. – После всего, что между нами произошло...

Она была женщиной, и взывать к ее здравому смыслу было все равно, что учить курицу переходить улицу на зеленый свет, или внушать осе, что жалить нехорошо. Сплошные эмоции, вернее, змеиный клубок эмоций. Именно на них решил сыграть Бондарь, чтобы стервозный характер спутницы не превратил поездку в ад.

– Я виноват, – мягко сказал он, поглаживая ее по волосам. – Да, я не джентльмен и никогда им не стану. Мне ничего не стоит, например, привести тебя в чувство парой хороших оплеух...

– Только попробуй! – взвизгнула Вера. – Я выйду из машины и немедленно позвоню полковнику...

Ее реплика осталась не услышанной.

– ...парой хороших оплеух, – продолжал Бондарь, – но я не собираюсь этого делать. Знаешь почему? Ты самая лучшая девушка, которую мне довелось встретить за последнее время. – Вспомнив свою Наташу, Бондарь автоматически вставил в губы сигарету. – Ты умная, красивая, милая... – Это был явный перебор, поэтому он заговорил быстрее, спеша проскочить скользкую тему. – Разве мне хочется применять к тебе силу, подумай сама? – («Еще как», – промелькнуло в мозгу). – Нет, конечно же, нет. Давай забудем все, что было, и начнем с чистого листа. Договорились?

– Ладно, договорились, – буркнула Вера. – Мир. Но на интим можешь больше не рассчитывать.

– Упаси бог! – вырвалось у Бондаря, тронувшего «Ауди» с места.

Это прозвучало так искренне, что покосившаяся на него Вера подозрительно осведомилась:

– Тебя это как будто радует?

– Меня радует, что мы обо всем договорились.

Объяснение показалось Вере правдоподобным, и она, наконец, умолкла, нахохлившись на своем сиденье. Чтобы ей было не скучно молчать, Бондарь включил радио, из которого тут же понесся бодренький мотивчик в стиле «аля-улю».

Я так скучала, шала-ла-ла,
Я страдала, шала-ла-ла,
И рыдала, шала-ла-ла,
По ночам...

Наслаждаться подобной чушью можно было лишь при полном отсутствии мозговых извилин, но Бондарь терпел. Это было лучше, чем выслушивать нечто подобное из уст спутницы. Во всяком случае, с радиодевочками не нужно было поддерживать беседу, тогда как Вера вряд ли обошлась бы без ответных реплик, создающих видимость диалога. Все-таки женщина, которая поет, причиняет меньше неудобств, чем женщина, которая берется рассуждать. «Особенно, – добавил про себя Бондарь, – если поет она тихонечко, без микрофона и где-нибудь в отдалении».

После недолгого размышления он выбрал трассу Е 95 (она же М 10), ведущую в Эстонию через Ивангород и Нарву. По Новорижскому шоссе было бы быстрее, но Бондарь решил, что кратчайший путь через Печоры следует приберечь для возвращения, которое может оказаться сродни отчаянному бегству. Дважды пересекать границу в одном пункте он не собирался. Это были элементарные меры предосторожности.

Когда Вера задремала, Бондарь с облегчением выключил радио и почувствовал себя свободнее, но не так, как в былые времена. Несмотря на то, что дорога стелилась под колеса нормальная и даже местами переходящая в хорошую, он не получал удовольствия от вождения. С тех пор, как его семья погибла в автокатастрофе, процесс управления автомобилем потерял прежнюю привлекательность. Как и секс, мрачно заключил Бондарь, покосившись на спящую спутницу.

Смотреть на нее было так же скучно, как на ночное шоссе. Время от времени впереди возникали фуры дальнотойщиков, расцвеченные огоньками, словно новогодние елки. Некоторое разнообразие в путешествие вносили дорожные знаки. «До Ленинграда 250 километров, – читал Бондарь. – Хм, забавно. Такого города на земле давно не существует, а доехать до него, оказывается, можно». Названия прочих населенных пунктов выглядели на скорости 140 километров в час такими же потусторонними. Луга... Выра... Белозерка... Малая Шамбала... Большая Шамбала...

* * *

Бондарь помотал головой, прогоняя сонное оцепенение, закурил очередную сигарету и принялся вспоминать все, что ему известно про страну, в которую он направлялся.

История эстов была окутана туманом мифов и сказаний, за которыми совершенно не прослеживались реальные события и факты. Якобы первая эстонская женщина вылупилась из птичьего яйца, ее муж прилетел из священной рощи на гигантском орле, а их сын ниоткуда не вылупился и не прилетел, но зато стал всенародно любимым могучим героем и защитником земли эстонской, известным как богатырь Калевипоэг.

Где именно находилась его изначальная родина, никто не знает. Эсты мыкались по свету, пока однажды не наткнулись на придорожный камень. Волшебные руны, начертанные на камне, гласили, что к северу от него водится в изобилии пушная дичь и переполнены рыбой кристально чистые озера, а к югу, во многих днях пути, радуют глаз изумрудные склоны холмов и сочатся сладким соком гроздья спелого винограда. Часть племени повернула на север, так появились финны. Часть ушла на юг, так появились венгры. Те же, кто не умел читать, отправились прямо, уперлись в море и остались там, поскольку возвращаться назад им было лень. Так возникла Эстония.

Долгое время пиратские шайки эстов наводили на прибрежные поселения ужас ничуть не меньший, чем викинги, но в тринадцатом веке лафа закончилась, и страна попала под иго Ливонского ордена. Именно тогда в Эстонии были построены многочисленные дороги, церкви и замки. Уж что-что, но строить немцы умели всегда. В то же время людям были привиты порядок и дисциплинированность, причем настолько успешно, что при виде немецких рыцарей простолюдинки покорно укладывались на обочины, задирая подолы. Не удивительно, что вскоре произошло заметное осветление коренного населения (исконные эсты, как, кстати, и финны, были черноволосыми и смугловатыми).

А вот родной язык эстонцам удалось сохранить, пусть и не в девственно чистом варианте, но со всеми его четырнадцатью падежами. Вероятно, тут сказалось презрительное высокомерие завоевателей, а также известное тугодумие эстонцев, не сумевших овладеть немецким.

Но настоящие трудности начались вместе с Реформацией, когда эстонцы возомнили себя грозными завоевателями и, примкнув к псам-рыцарям, попытались захватить русские земли. Грянула Ливонская война, и уже через год большая часть Эстонии принадлежала Руси. На протяжении последующих шестидесяти лет страна переходила из рук в руки, побывав под поляками, датчанами, немцами, шведами. Потом случилась Северная война, после которой скандинавские чудо-богатыри забились по своим щелям и думать забыли о том, чтобы бряцать оружием.

До самой Октябрьской революции Эстляндия считалась русской, хотя и сильно онемеченной территорией. Лишь после развала Российской империи Эстонская Республика смогла зажить как самостоятельное государство и пребывала в счастливом заблуждении вплоть до сорокового года, когда товарищ Сталин вежливо, но твердо возвратил все на круги своя. Эстонцы приветствовали советские танки со счастливыми улыбками и цветами, но злобу, что для них характерно, затаили.

Закончилось это очередным крушением Российской империи и очередным объявлением независимости великой Эстонии, что произошло в девяносто первом году. Несколько лет ушло на установление границ, введение собственной валюты, создание грозной армии и флота, подписание различных международных договоров и – просим любить и жаловать! Совершенно отдельная европейская страна, со своим неповторимым путем развития.

Саркастически усмехнувшись, Бондарь выбросил за окно окурок и обнаружил, что непроглядная ночь сменилась тускло брезжущим рассветом. В серой мути проступили полу-

зброшенные деревни, затерявшиеся среди бескрайних полей. Жители провожали проносащую мимо «Ауди» такими взглядами, словно видели перед собой неопознанный летающий объект. Один абориген даже сверзился с велосипеда.

В семь утра Бондарь растолкал Веру, усадил ее за руль, а сам вздремнул на заднем сиденье, предварительно соорудив там тайник для «Вальтера». Ровно через три с половиной часа он проснулся и объявил привал. В одиннадцать утра, слегка одуревшие, но зато умывшиеся и даже перекусившие, они въехали в Ивангород.

В бытность СССР он составлял одно целое с Нарвой, до революции оба города постоянно враждовали. Тевтонские рыцари, потомки скандинавских викингов, литовцы, шведы – кто только не нападал на русских, обосновавшихся на правом берегу реки! Теперь река Нарва, как и в незапамятные времена, разделяла две старинные крепости, возвышающиеся на холмах друг напротив друга. Граница пролегла по руслу. С нашей стороны ее готовились пересечь машин двадцать. Узнав от местных, что такая очередь проходит часа за два, Бондарь решил осмотреть ивангородскую крепость. Несмотря на то, что Вера увязалась за ним, крепость произвела на него неизгладимое впечатление.

Такой военной махины он не видел уже давно. Огромные бастионы в форме параллелепипеда, крутые стены, узкие бойницы – все дышало мощью и скрытой угрозой. Внутри крепости находилась старинная православная церковь, блистающая всеми своими луковичными куполами.

– Как в кино, – прокомментировала Вера, по-птичьей вертевшая головой. – Но слишком грязно. И камни обваливаются. Вот у них – другое дело, правда, Жень?

Бондарь взглянул на чужую крепость за рекой и пожал плечами:

– Кино как раз у эстонцев, а здесь – неприукрашенная правда.

Вера наморщила нос:

– Грязная она, твоя неприукрашенная правда. А у эстонцев все чистенько, красивенько...

– Еще скажи: культурненько, – хмыкнул Бондарь.

– А что? И культурненько тоже. Что в этом плохого?

– Не замок, а декорации для туристического бизнеса. Кукольный театр. Лично я бы в такой крепости воевать не стал.

Вера снисходительно усмехнулась:

– А зачем теперь воевать?

– Чтобы в рабство не попасть к шибко чистеньким да культурненьким, – сказал Бондарь. – Чтобы взамен наших церквей ихние кирхи не понаставили. Чтобы наши кладбища под автобаны не закатали.

– Какое тебе дело до церквей и кладбищ? – удивилась Вера. – Разве ты верующий?

– Верующий. – Бондарь кивнул на трехцветный флаг, реющий над главной башней. – В Россию верующий.

– Глупо. У нас флаг бело-сине-красный. – Вера перевела взгляд за реку. – У них сине-черно-белый. Вот и вся разница.

– Неужели? А люди?

– Что – люди? В принципе, тоже одинаковые. Но по ту сторону границы все хорошо одетые, аккуратные...

– Чистенькие, красивенькие, культурненькие, – саркастически продолжил Бондарь.

– Вот именно, – с вызовом подтвердила Вера. – А наши вечно голодущие, пьянющие, злющие.

– Почему?

– Откуда мне знать почему?

– Потому что Русь веками вынуждена защищаться, вместо того, чтобы прихорашиваться да пудриться. Они модные портки производят, а мы – пушки и ракеты.

– У них на вооружение тоже времени и средств хватает, – заметила Вера. – Даже больше, чем у нас.

– Потому что они сообща действуют, – пояснил Бондарь, подбирая доходчивые фразы, словно разговаривал с несмышленищем, а не с прожженной стервой, прошедшей огонь, воду и медные трубы. – Пока Германия с Россией воюет, за океаном жвачкой чавкают, гамбургеры трескают, кока-колой отрыгивают. Потом Америка гонку вооружений затевает, а Европа колготки изобретает, мини-юбки да чупа-чупсы. Нам таких передышек никто не дает.

– Нашел о чем вспоминать! – скривилась Вера. – Все это в прошлом. Холодная война давно закончилась. Можно жить спокойно, ни о чем плохом не думая. «Мерседесы» клепать вместо ракет. Армию распустить. – Она снова бросила взгляд на замок за рекой. – Вон, взять хотя бы Эстонию. Ее же никто не трогает, хотя она маленькая и слабая. Это потому, что она не высовывается. Нам так тоже надо. По-умному.

Глава 8

Эстония – мать порядка

На российской границе процедура проверки виз, паспортов и вещей заняла около десяти минут. Проехав четыреста метров, путешественники предстали перед пограничниками Эстонии, оказавшимися куда более дотошными. Они посвятили чете Спицыных и их машине никак не менее получаса своего драгоценного времени. Багаж пары подвергся тщательнейшему рассмотрению на экране компьютера, причем супругов неоднократно просили показать тот или иной подозрительный предмет: бритву, термос, косметичку, пакет с бельем.

Бондарь мысленно хвалил себя за предусмотрительность, благодаря которой «Вальтер» покоился под вспоротой обшивкой заднего сиденья. И все же неуклюжая обстоятельность таможенно-пограничного контроля попортила ему немало крови. Белобрысый эстонец, завладевший паспортами гостей, битый час втолковывал им, что их туристическая виза выдана для однократного въезда в Эстонию и действительна в течение трех месяцев.

– Понял, понял, – кивал Бондарь, но белобрысый страж порядка не унимался.

Слушать его было тягостно. Словно магнитофонную ленту запустили на замедленной скорости. Человеческую речь с горем пополам воспроизводит, но ответные реплики воспринимает со скрипом.

– Куд-да вы нап-праф-фляет-тесь?

– Из Москвы в Пярну, – отвечал Бондарь.

– Из Москф-фы?

– Да.

– В Пя-а-арну?

– Да, да.

– А поч-чему черес-с Т-таллин? – подозрительно спрашивал пограничник.

– Старинный город. Посмотреть хочется.

– Это ест-ть стран-но. Пот-теря ф-френи.

– Мы никуда не спешим, – поясняла Вера.

– Это т-тоже ест-тть стран-но, – медленно тянул пограничник, – ф-фсе сп-пешат, а вы – нет.

Из этого следовало, что сам он тоже не любил тратить время даром. Но здесь, в Эстонии, у времени был какой-то черепаший ход. Бондарь почувствовал себя увязшим в тягучей трясине, из которой не выбраться до скончания века. Особенно, когда на смену белобрысому пограничнику явился такой же белобрысый таможенник с водянистыми глазами.

– Имеет-те ли вы валют-ту?

– Две тысячи долларов, – отвечал Бондарь.

– На двоих?

– На двоих, на двоих, – нетерпеливо кивала Вера.

– Сумма свыше 4350 ам-мериканских доллароф-ф подлежит дек-кларированию.

– У нас в два раза меньше.

С таким же успехом можно было бы обращаться к говорящему попугаю. В ответ таможенник высказался в том смысле, что сумму свыше одиннадцати тысяч американских долларов необходимо не только задекларировать, но и сопроводить документальным подтверждением законности происхождения денег. На это ушло не меньше трех минут. Каждое слово эстонец умудрялся растягивать в два, а то и в три раза.

– У нас ровно две тысячи долларов, – устало произнес Бондарь. – Не четыре триста пятьдесят и не одиннадцать. Две. – Для наглядности он выставил растопыренные пальцы.

– Т-тве, понимаю, – важно кивнул эстонец. – Вы будет-те что-нибудь дек-кларировать?

– Мы бы с радостью, – сказала Вера, – но нечего.

– Вы хотит-те поменять доллары на кроны?

– А какой у вас курс?

– Об этом следует спросить в пункте обмена валют-ты, – заявил эстонец и, прежде чем неспешно удалиться, разрешил путешественникам ехать дальше.

К этому моменту Бондарь совершенно упарился в своем дурацком пальто, но испытания нервов только начинались. Обмен части долларов на кроны занял столько времени, что он успел выбросить одну сигарету и закурить следующую. Потом пришлось заправляться бензином, а к этому процессу в Эстонии подходили столь же вдумчиво, как и ко всему остальному. За сорок литров «девяносто пятого» было уплачено триста семьдесят две кроны – примерно тридцать пять баксов. Толстозадый малый в фирменном комбинезоне вел себя так степенно, словно заправлял не легковушку, а самолет или даже космическую ракету.

– Сонное царство какое-то, – заключила Вера по выезде с заправки.

– Европа, – пожал плечами Бондарь.

– Прокати меня с ветерком, Жень. А то я тоже начинаю засыпать на ходу.

– Слушаюсь, мэ.

Бондаря долго уговаривать не пришлось. Он и сам изнывал от отупляющего ритма здешней жизни. Разогнавшаяся «Ауди» птицей полетела мимо вылизанных дворики, подстриженных кустов и кукольных домишек с красными черепичными крышами. Шоссе было узким, ровным и гладким, как школьная линейка. Ни колдобин, ни выбоин. На каждом перекрестке торчали указатели, так что заблудиться в Эстонии не смог бы и ребенок.

Несмотря на то, что дело происходило среди бела дня, все встречные автомобили ехали со включенным ближним светом. Как только Бондарь показывал левым поворотником, что собирается идти на обгон, водители покорно прижимались к обочине, пропуская его вперед. Такая идиллия продолжалась до тех пор, пока «Ауди» не взялась обгонять белый «Форд», следующий параллельным курсом. В нем, на беду Бондаря, сидели полицейские с радаром. Разумеется, это были *эстонские полицейские*, так что общение с ними напоминало пытку. Нечто вроде поджаривания на медленном-медленном огне. Бондарь даже начал подозревать, что имеет дело не с толстокожими тугодумами, а с изощренными иезуитами, испытывающими его выдержку.

В ходе монотонного собеседования выяснилось, что: а) штраф за езду без включенного ближнего света составляет 600 крон (что-то около 40 евро); б) превышение скорости на двадцать километров в час карается штрафом в 3500 крон или изъятием прав на срок до трех месяцев; в) не стоит пытаться «договориться» с дорожной полицией и предлагать оплатить штраф на месте – это равнозначно подкупу должностного лица.

– Штрафы оплачиваются исключ-чит-тельно панковскими плат-тежами, – предупредило должностное лицо с белесыми бровями и поросячьими ресничками.

– Вы хотели сказать: «банковскими»? – догадалась Вера, которой захотелось покрутиться рядом с мужчинами.

– Именно, вот, – кивнул полицей. – Панковскими, та.

Бондарь сложил названные цифры, разделил получившуюся сумму на курс доллара и подумал, что действовать предстоит в максимально сжатые сроки, а от быстрой езды лучше отказаться вообще. Подотчетные деньги стремительно таяли.

– Мы обязательно заплатим, правда, Жень? – сказала Вера, тормоша Бондаря за рукав. – Поехали искать банк.

– Не расчит-тывайте, что вам ут-тастся улизнуть из страны, не уплатиф-ф штраф-ф, – предупредил полицей, протягивая выписанную квитанцию. – Сведения оч-чь п-пыстро попадут в компьютерную систем-му, и тогда у вас возник-кнут проблем-мы.

– Проблемы уже возникли, – вздохнул Бондарь, возвращаясь за руль. – С тех пор, как мы пересекли границу.

– Интересно, – задумчиво пробормотала Вера, – они и в постели такие заторможенные?

Когда «Ауди» затормозила возле ворот дома профессора Виноградского, часы показывали 16:45 по московскому времени, а спидометр зафиксировал, что позади остался путь длиной ровно в 1022 километра. Однако Бондарю казалось, что он совершил кругосветное путешествие. В компании эстонцев, скрупулезно пересчитавших все телеграфные столбы и объяснявших назначение каждого.

Глава 9

Страсть бактериолога

Сергей Николаевич Виноградский оказался колоритным стариком. Прямая осанка, эйнштейновская грива седых волос, пронзительные глаза – он выглядел весьма импозантно для своего шестидесятилетнего возраста. Голос его звучал молодо.

– Господа Спицыны, надо полагать? – крикнул он, спеша навстречу гостям.

– Добрый вечер, – поздоровались они хором.

– *День*, дорогие мои, *день*, – улыбнулся Виноградский. – У нас тут время течет по-особенному, неторопливо, плавно.

– Это мы уже заметили, – признался Бондарь, разглядывая дом, в котором ему предстояло поселиться.

Виноградский проживал на окраине Пяру, особняком. Его родовое гнездо было порядком замшелым и запущенным: черепичная крыша потемнела от времени, высокая труба не досчитывалась нескольких кирпичей, от каменных стен веяло сыростью.

– Неплохое местечко, – одобрил Бондарь.

– Превосходное, друг мой, поистине превосходное, – заверил его Виноградский.

Мужчины обменялись рукопожатиями. Пятерня Веры удостоилась галантного поцелуя. Состоялась короткая церемония знакомства, после которой Виноградский наотрез отказался изучать протянутые ему паспорта и копию договора аренды.

– Что вы, что вы, – причитал он, отмахиваясь так энергично, словно увидел перед собой не документы, а рой диких пчел. – В этом нет никакой необходимости. Я распознаю хороших людей так же легко, как присутствие гипохлорита в кислороде.

– Вы, наверное, ученый? – восхитилась Вера.

– В некотором роде, – Виноградский отвесил старомодный полупоклон.

Предоставив им заниматься светской болтовней, Бондарь загнал «Ауди» во двор и поставил ее бок о бок со стареньким «Фольксвагеном» с кузовом «универсал». Пока он доставал из багажника вещи, приблизившийся Виноградский поведал ему, что он просто в восторге от таких замечательных постояльцев, после чего повернулся к дому и завопил:

– Ингрид, Ингрид! Иди познакомься с нашими гостями! У них, как и у нас, медовый месяц!

Опешивший Бондарь едва не уронил сумку. Такого поворота событий он не ожидал. Про какой медовый месяц толковал этот закоренелый холостяк? И кто такая Ингрид, о существовании которой Бондарь слышал впервые?

Она не заставила себя долго ждать, появившись на крыльце с чуть смущенной улыбкой на бледных губах. Очень короткая юбка и непомерно длинные полосатые гетры – вот что бросалось в глаза в первую очередь. При ходьбе девушка слегка подпрыгивала, словно в ее колени были вмонтированы какие-то хитроумные пружинки.

– Ингрид, – представилась она, подойдя на расстояние протянутой руки. Ладонь у нее была узкая и холодная.

– Евгений, – выдавил из себя Бондарь.

– Вера, – подключилась его мнимая супруга.

– Мы познакомились через Интернет, – сказал Виноградский, приобнимая Ингрид за плечи. – Переписывались каких-нибудь два дня и вдруг, вообразите только, это небесное создание появляется передо мной собственной персоной. Сваливается, как снег на голову.

«На старости лет от таких сюрпризов и окочуриться недолго», – подумал Бондарь, в упор разглядывая небесное создание, весившее никак не меньше шестидесяти килограммов.

– Очень приятно, – сказал он.

– Me too, – сделала шутливый книксен Ингрид. – Мне тоже.

После этого ей пришлось поправлять свои прямые соломенные волосы, упавшие на лицо. Россыпь веснушек на переносице придавала девушке свойский вид, однако ее внезапное появление на сцене заставляло Бондаря держаться настороже.

– Вы эстонка? – спросил он.

– Только по матери, – ответила Ингрид, произнося слова с легким иностранным акцентом, но безупречно выстраивая фразы. – Мой отец – русский эмигрант, он преподает литературу. Мы живем в Кливленде, штат Огайо.

– И вы примчались в такую даль по зову сердца? – восхитился Бондарь.

– Нет, я прилетела из Америки еще в феврале. Родители поручили мне присмотреть подходящий коттедж на побережье. Теперь, когда Эстония соединилась с Норт Этлэнтик... с НАТО, о лучшем месте отдыха трудно мечтать. Мы собираемся проводить в Пярну каждое лето. – Ингрид лукаво взглянула на Виноградского. – Если мой жених не признается, что его предложение руки и сердца было лишь шуткой.

– Как ты можешь говорить такое! – укоризненно воскликнул он. – С тобой я обрел вторую молодость, любовь моя. – Официальная свадьба состоится в будущем месяце, – доверительно сообщил он Вере, – но настоящие браки заключаются на небесах, не так ли? Мы с Ингрид решили жить вместе с первого дня нашего знакомства. – Виноградский подмигнул Бондарю. – Теперь мне, старику, придется здорово постараться, чтобы наш медовый месяц не уступал по накалу вашему.

– Мне почему-то кажется, что вы некоторых молодых за пояс заткнете, – потупилась Вера.

– Вот! – Виноградский торжествующе вскинул палец. – Не числом, так умением! Главное не количество, а качество, правда, Ингрид?

– Во всем хороша золотая середина, – уклончиво ответила она.

Заметив изучающий взгляд, брошенный ею на Бондаря, Вера поспешила завладеть его рукой. Это был инстинктивный жест собственницы.

– А теперь все в дом, в дом! – завопил Виноградский, подталкивая гостей к крыльцу. – Отлично понимаю, что вам не терпится остаться вдвоем, но для начала я обязан угостить вас рюмочкой «Канну Кукк».

– Что такое «Канну Кукк»? – насторожился Бондарь.

– Превосходный малиновый ликер, после которого усталость как рукой снимет. Неси посуду, Ингрид.

Комната, в которой они оказались, была темноватой, но очень чистой. Старомодная дубовая мебель создавала ощущение покоя и благополучия. В камине весело полыхал огонь, на стене мерно тикали часы с маятником. В раме незашторенного окна виднелись сосны, за которыми угадывалась стальная морская гладь.

– Мне у вас нравится, – сказал Бондарь, получивший крохотную стопку с ядовито-красной жидкостью.

– Очень уютно, – поддакнула Вера, стараясь не обращать внимания на пятна плесени, проступившие сквозь побелку потолка.

– Мы сделаем все, чтобы вы навсегда запомнили наш дом, – заверил гостей Виноградский, – правда, Ингрид?

– Непременно, – пообещала она, задумчиво взглянув на Бондаря.

Он произнес тост за гостеприимных хозяев и, подавая пример присутствующим, лихо опрокинул рюмку. Во рту разлился приторный вкус малины.

– Вкусно, – сказал Бондарь, похрустывая засахаренными кристаллами. – Напиток богов. Скандинавских.

Воодушевленный Виноградский предложил повторить, утверждая, что знает отличное средство от похмелья.

– Пероральный прием стаканчика гипохлорита натрия в концентрации двести миллиграммов на литр воды оказывает на человека ярко выраженный положительный эффект, – заявил он. – Проверено на личном опыте после одной очень бурной вечеринки. Всякое недомогание как рукой снимает!

– Буду иметь в виду, – пообещал Бондарь, вертя в пальцах наперсточную рюмку с ликером. – Как вы сказали, натрохлорид кальция?

– Гипохлорит натрия, – строго поправил его Виноградский. – Он освобождает в организме активный кислород, окисляя токсичные вещества, такие, как билирубин, анилин, аммиак, мочевины, креатинин, холестерин, окись углерода...

– Хватит, дорогой, – ласково попросила Ингрид, отряхивая плечи увлекшегося жениха от перхоти, – ты утомляешь наших гостей.

– Мочевую кислоту, – бубнил тот, – ацетон, ацетоацетат, этанол, метанол, гликозиды наперстянки, барбитураты...

– Все это необыкновенно познавательно, – вмешался Бондарь, но я предлагаю продолжить беседу в другой раз. Моя жена устала, – он потрепал Веру по волосам.

– Понимаю, понимаю, – опомнился Виноградский. – Вам нужно принять душ, переодеться, отдохнуть. Но ровно в двадцать ноль-ноль мы ждем вас к ужину. Возражения не принимаются. – Он погрозил пальцем. – И не забудьте перевести стрелки на час назад. Благодаря этому у вас появится лишний час, что для молодоженов весьма существенно, не так ли?

Следуя за похотывающим хозяином дома на второй этаж, Бондарь оглянулся. Ингрид откликнулась на его взгляд широченной голливудской улыбкой, но он мог поклясться, что за секунду до этого ее губы были плотно сжаты, а брови – нахмурены.

Глава 10

Ужин с микроорганизмами

Просторная комната, отведенная постояльцам, была обставлена с поистине спартанской простотой: квадратная кровать, шкаф из светлого дерева, застеленный скатертью столик с допотопной радиолой, такая же допотопная этажерка, пара стульев, позаимствованных из разных гарнитуров, тюлевые занавески, ваза с засушенными цветами, светильник на три рожка, выполненных в виде стеклянных тюльпанов. Все это создавало музейную атмосферу то ли семидесятых, то ли шестидесятых годов прошлого века. Только вполне современная кровать выпадала из общего стиля.

Ванная комната, совмещенная с туалетом, размещалась снаружи. Кроме того, на втором этаже имелось еще три двери. За двумя из них находились захламленные чуланы. Третья была заперта. Заглянувший в замочную скважину Бондарь увидел лишь угол письменного стола и фрагмент книжного шкафа. Надо полагать, за дверью находился кабинет Виноградского. Судя по общей площади дома, кабинет был очень большим либо продолжался невидимой смежной комнатой.

Пока Бондарь осматривался и разбирал вещи, Вера успела принять душ и вернуться в спальню с махровым тюрбаном на голове. На девушке была знакомая просторная футболка, прикрывавшая ноги до середины бедер. Выстиранная, но не глаженная, она напомнила Бондарю все, что произошло между ним и Верой сутки назад. Нахмурившись, он отправился в ванную и принял такой холодный душ, что в висках заломило, но зато из головы разом вышибло все лишние мысли.

Когда он вошел в комнату, Вера лежала лицом к стене, укрытая единственным одеялом. Не обнаружив нигде сброшенной футболки, Бондарь слегка повеселел и, прихватив с этажерки первую попавшуюся книжку, улегся на кровать. Страницы книжки, подставленные свету настенного бра, были шероховатыми и желтыми. От них веяло чем-то таким же полузабытым, как детство. Буквы крупного старомодного шрифта складывались в слова, строки, абзацы...

Действие разворачивалось на каком-то пустынном пляже, окрашенном закатом в кровавые тона. На протяжении трех страниц герой любовался одинокой девушкой в белом бикини, а потом направился к ней, решительно ступая по песку. Бондарь, пробегая взглядом строчку за строчкой, неотступно следовал за ним.

«Девушка посмотрела на него и вскинула сжатую в кулачок руку ко рту. Она что-то сказала, но он не смог разобрать что. А потом за его спиной раздался мягкий вкрадчивый голос:

– Не двигаться, если жизнь дорога.

Он резко обернулся, пригнувшись, рука уже потянулась к стилету, спрятанному под плавками. Два дула автоматических пистолетов, как два неподвижных серебристых глаза, насмешливо уставились на него.

Он медленно выпрямился, опустил руки по швам и с тихим свистом выпустил сквозь зубы задержанное дыхание. Две профессионально каменные, как у истуканов, физиономии сказали ему даже больше, чем пара серебристых пистолетных зрачков. На этих лицах нельзя было прочесть ни напряжения, ни волнения. Слабые полуулыбки выражали спокойствие и удовлетворение. В глазах не проступало и тени настороженности – скорее равнодушие. Здесь не было ничего нового. Эти люди были убийцами, профессиональными убийцами...»

Уже проваливаясь в дрему, Бондарь решил, что человека, носящего колюще-режущие предметы в непосредственной близости с жизненно важными органами, не очень-то напугаешь какими-то автоматическими пистолетами. Потом он попытался представить себе плавки,

в которых можно спрятать стилет, или же стилет, который можно спрятать в плавки. Получилось что-то непотребное. Проснулся Бондарь с тяжелой головой и резью в глазах. Часы показывали 19:30 по эстонскому времени. Растолкав Веру, он велел ей собираться, побрился, почистил зубы, неохотно напялил опостылевший пиджак. Есть совершенно не хотелось, равно как видеть распатланного Виноградского. Но при мысли об Ингрид Бондарь почувствовал прилив возбуждения, подобно псу, взявшему след. Очень уж подозрительным было ее появление в Пярну вскоре после того, как ученый напомнил миру о своем главном открытии.

– За ужином держи себя в руках, – предупредил Бондарь напарницу, занятую боевой раскраской. – Я подозреваю, что Ингрид попытается спровоцировать тебя на скандал.

– Эта белобрысая сука? – Верин глаз, вперившийся в зеркальце, возмущенно округлился. – Зачем ей это нужно?

– Если она приехала специально для того, чтобы охмурить старика, то присутствие соперницы для нее нежелательно. – Бондарь затушил сигарету в пепельнице. – Можешь дать профессору понять, что он тебя заинтересовал, но очень осторожно. И вообще сегодня старайся помалкивать. Прощупывать парочку буду я.

– Не сомневаюсь. А с удвоенной тщательностью ты будешь прощупывать эту суку с порочными ресничками.

– У нее самые обыкновенные ресницы. Черные.

– Много ты понимаешь, – фыркнула Вера. – Раз макушка и корни волос светлые, значит, она настоящая блондинка. Ни одного темного волоска. Зато веснушки по всему телу. Особенно на плечах и на груди.

– Откуда ты знаешь про веснушки на груди? – удивился Бондарь.

– Если ты полагаешь, что мне интересно обсуждать прелести твоей белобрысой суки, – отчеканила Вера, – то ты глубоко ошибаешься. – Пошли жрать. Умираю от голода.

* * *

Спустившись в комнату с камином, супруги Спицыны обнаружили тут накрытый стол и колдующую над ним Ингрид в клетчатом фартуке. Интригуяюще улыбнувшись, она пообещала познакомить их с традиционной эстонской кухней, состоящей, по ее выражению, «из простых, но сытных крестьянских блюд».

– Как отдохнули? – игриво осведомился Виноградский, явившийся на шум голосов в допотопном барском сюртуке с витыми шнурами на груди. От него пахло одеколоном и нафталином.

– Спасибо, прекрасно, – улыбнулся Бондарь.

– Было немного холодновато, – пожаловалась Вера. – Честно говоря, я привыкла спать раздетой. Совсем раздетой.

– Сегодня раскочегарим так, что чертям тошно в аду станет, – решительно тряхнул волосами Виноградский. Плечи его сюртука тотчас покрылись налетом белых чешуек.

Ингрид, скорчив неодобрительную мину, удалилась на кухню. Возвратилась она с подносом, и вскоре на овальном столе возникли дымящиеся тарелки с супом. Обмениваясь ничего не значащими репликами, все дружно заработали ложками. Бондарю суп не понравился. В нем было много чего намешано: и ячневая крупа, и перловка, и картофель, и горох, и даже клецки. Не ощущалось лишь соли и перца, отчего все остальное было совершенно безвкусным.

– Нравится? – спросил Виноградский.

– Специй не хватает, – ответила Вера, цедя похлебку.

– А вы добавьте «кастмед», – предложила Ингрид, кивнув на соусницу с подозрительной белой жижей.

– Что это?

– Молочно-сметанная подливка, без которой невозможно оценить по достоинству эстонскую кухню.

Бондарь рискнул, и тотчас пожалел об этом. Похлебка сделалась мутной и кислой на вкус. Положение спасало лишь темное пиво «Сааре», производившееся, по словам Виноградского, исключительно на острове Саарема.

– Это поистине национальный напиток эстонцев, – заявил он. – А когда-нибудь я угощу вас медовым пивом, оно тоже чрезвычайно популярно в этой стране.

– Медовое пиво, хм, – мечтательно протянула Вера. – Звучит красиво. Это, наверное, обалденно вкусно?

– Как любой продукт брожения, в котором присутствуют пилориты, – улыбнулся ей Виноградский.

– Пилорит – это сорт меда?

– Вид микроба. Меня всегда мучил вопрос: каким же образом пилорит, который с трудом удается выделять в искусственных питательных средах, сохраняется в воде, а возможно, и в почве? – втянув в рот ложку супа, Виноградский задумчиво покачал головой. – Чтобы приблизиться к ответу на этот вопрос, нужно вспомнить об одной особенности пилорита, а именно об уникальном генетическом разнообразии микроба, обуславливающим географическую неоднородность штаммов.

– Кстати о географии, – поспешил вставить Бондарь. – Вас не тянет на родину? Вы давно были в России?

– Россия отвергла меня, словно инородное тело, – с пафосом произнес Виноградский. – Как не было пророка в своем отечестве, так и нет. Вот почему я выбрал себе новую родину.

– Неужели вам не осточертело торчать в этом маленьком городишке? – спросила Вера с прямою, заметно покоробившей хозяина дома. – Провести здесь месяц отпуска – это я еще понимаю. Но киснуть в Пярну всю жизнь... – Вера покачала головой. – Лично я на стену бы полезла от тоски.

На помощь захлебнувшемуся супом Виноградскому пришла Ингрид:

– Во-первых, у Сергея Николаевича слишком богатый внутренний мир, чтобы лазать по стенам. Во-вторых, – она с вызовом посмотрела на Веру, – мы скоро поедем в Америку.

– Вы прекрасно говорите по-русски, – сказал ей Бондарь.

– По-эстонски не хуже, – похвасталась Ингрид. – Если вам захочется выучить этот язык, то в первую очередь следует освоить произношение гласных. «А» звучит как в русском слове «сядь». «О» следует произносить как в слове «бьет». А «у» произносится со сложенными трубкой губами. – Ингрид продемонстрировала это, протяжно протянув: «чу-у-уть». Получилось очень похоже на поцелуй, не такой уж воздушный.

– Скажите что-нибудь по-эстонски, – попросил Бондарь.

– Хеад исту, харра Спитсы-ын, – улыбнулась Ингрид. – Ма армастан Эести.

Это звучало довольно мелодично и протяжно. Отметив про себя, что все ударения падают на первый слог, Бондарь заинтересованно приподнял брови:

– Что это значит?

– Я пожелала вам приятного аппетита, господин Спицын, и сказала, что люблю... – Ингрид лучезарно улыбнулась Вере, – люблю Эстонию.

Бондарь отметил про себя, что профессорская невеста настоящий полиглот, но Вера, похоже, сделала какие-то иные выводы. Брошенная ею ложка вызывающе звякнула.

– Расскажите нам что-нибудь, – попросила она Виноградского, наградив Ингрид мстительным взглядом. – Вы ведь ученый и наверняка знаете так много.

– Гм, мои познания носят весьма специфический характер, – смутился Виноградский. – Хотя без них невозможна полная картина мира. Он населен не столько видимыми существами, сколько микроорганизмами, которых в миллионы... в миллиарды раз больше, чем людей. Возь-

мам, например, бактерии. – Виноградский сложил пальцы щепотью. – Хотя они служат пищей для простейших, случается, что последние сами становятся жертвами бактерий. Классическим примером служит симбиотическое равновесие между водными амебами и легионеллами, когда бактерии также являются эндосимбионтами, но не облигатными, а факультативными...

– Мне кажется, что ты выбрал неудачную тему, – заметила Ингрид, собирая на поднос грязные тарелки. – Девушке скучно тебя слушать...

– Скучно? – Виноградский недоверчиво уставился на Веру. – Да ведь она сама, как любой человек, является лишь ходячей вселенной для всевозможных бактерий! Сейчас уже и не вспомнишь, кто первый пустил в оборот крылатую фразу о том, что человек – самое могучее существо на Земле. Нет, мол, у него достойных соперников. Царь природы, как же! – Виноградский демонически расхохотался. – Десятилетиями кочует эта сентенция по школьным учебникам, никем не подвергаемая сомнению. Хотя у микробиологов имеется на сей счет своя точка зрения. Ибо достойные враги у человека есть, и они тем страшнее, что с ними невозможно бороться в открытую – лицом к лицу. Они невидимы невооруженным глазом, их можно разглядеть только в микроскоп.

– Это бактерии? – тревожно спросила Вера.

– Это «сыйр», – сказала подоспевшая с подносом Ингрид, – особое блюдо из кислого творага. А это копченая форель «суитсукала»... кровяная колбаса... свиные ножки с горохом...

– Очень вкусно, – искренне сказал Бондарь, угостившись кровяной, которая называлась здесь «веревёрст». – Кажется, я начинаю понимать, что удерживает вас в Эстонии, Сергей Николаевич. – Отличная кухня, замечательный дом. Действительно, на кой черт вам Россия? Правда, на вашем месте я бы и в Америку не поехал. Зачем она вам? И главное, *зачем ей вы?*

Виноградский взглянул на гостя так, словно тот сморозил несусветную глупость.

– Как раз Америке я очень нужен, – заявил он. – Мои труды представляют огромный интерес для науки. Ведь я микробиолог, а опытные специалисты в этой области требуются повсюду. Бактериология – самая передовая наука современности.

– Все эти вирусы, микробы... бр-р! – Вера передернулась. – Как вспомню про сибирскую язву, так вздрогну. Неужели люди продолжают изобретать и применять бактериологическое оружие?

Молодец девочка, мысленно похвалил напарницу Бондарь, выжидательно глядя на Виноградского. Тот не замедлил оседлать любимого конька.

– А как же! – воскликнул он, выпучив глаза. – Как же не использовать бактериологическое оружие, если оно столь эффективно? Бомбы и пули поражают лишь определенные объекты на конкретном участке, раненые быстро выздоравливают и возвращаются в строй. Иное дело живые бактерии. – Виноградский причмокнул губами. – Передаваясь от человека к человеку, стремительно распространяясь повсюду, они наносят непоправимый ущерб. Более того, проникая в человеческий организм, бактерии дают высочайший процент смертности. Люди после бактериологического поражения выздоравливают редко, крайне редко. С его помощью можно уничтожить все человечество. Это поистине абсолютное оружие!

– И вы тоже могли бы создать нечто подобное? – прошептала Вера.

– Вздор, – насупился Виноградский. – Для подобных исследований необходима соответствующая лаборатория. Время ученых-одиночек давно прошло. Современную науку двигают коллективы профессионалов.

– А если бы вам предложили возглавить такой коллектив? – спросил Бондарь.

– Уже...

– Сергей Николаевич хочет сказать, что *уже поздно*, – вмешалась Ингрид, стиснув пальцами пятерню жениха. – Конечно, мы могли бы выпить кофе, но этого не следует делать на сон грядущий.

Шумно отодвинув стул, она встала. Последовавший ее примеру Виноградский виновато улыбнулся:

– Ингрид взялась заботиться о моем здоровье. Она хочет, чтобы я приехал в Америку полным сил и бодрости.

– Разумеется, милый. – Ингрид занялась обтряхиванием спины своего избранника. – Ведь нам предстоит свадебное путешествие, и я хочу, чтобы оно было таким же насыщенным, как у наших дорогих гостей. – В ее улыбке, адресованной Бондарю и Вере, читалась плохо скрываемая издевка.

Оставалось лишь встать из-за стола и пожелать хозяевам спокойной ночи. Они хором ответили тем же. Следовало ли из этого, что предстоящая ночь действительно будет спокойной?

Глава 11

Брюнетки начинают и выигрывают

Едва перешагнув порог комнаты, Вера стащила через голову платье и яростно прошипела:

– Видеть их не могу! Белобрысая сука так и стелется, так и стелется, хотя на самом деле удушить нас готова. А этот старый козел? Из него труха сыплется, а он мечтает об уничтожении всего живого на планете!

– Ошибаешься, – задумчиво возразил Бондарь. – Бактерии, они ведь тоже живые. Надо полагать, Сергей Николаевич любит их гораздо больше людей.

– Ты слышал, он собирается в Соединенные Штаты? Представляешь, что будет, если ему действительно выделят лабораторию? Они потравят всех обыкновенной водой из водопроводного крана!

– Во-первых, не всех, а только людей второго сорта, таких, какими являемся, например, мы с тобой, – негромко произнес Бондарь. – Во-вторых, до Штатов далеко, а мы рядом. В-третьих, не ори на весь дом, нас могут подслушивать.

– Ты думаешь? – насторожилась Вера.

– Почти убежден в этом.

– Почему?

– Вспомни, как усмехнулась Ингрид, когда говорила про насыщенное свадебное путешествие. – Бондарь сокрушенно повертел головой. – Достаточно было послушать наш разговор перед ужином, чтобы сообразить, что никакие мы не молодожены.

– Ну это еще вилами по воде писано, – заявила Вера, избавляясь от колготок. – Мнение Ингрид ничего не значит. Главное, чтобы профессор ничего не заподозрил. Я знаю способ.

С этими словами она направилась в ванную, но была перехвачена Бондарем, склонившимся к ее уху.

– Завтра утром останешься с Виноградским наедине, – шепнул он. – Постарайся убедить его в том, что Россия предпочтительней Америки. Тем более в компании такой девушки, как ты.

– Навешать лапши на уши – сколько угодно, – тихо отозвалась Вера, – но спать с этим бактериофагом я не собираюсь, так и знай.

Рука Бондаря скользнула по ее плечу, добралась до шеи и усилила хватку.

– Ты сделаешь все, что потребуется, – холодно сказал он. – Мы не имеем права отдавать профессора ни Западу, ни кому бы то ни было еще.

– У него полная голова перхоти! – пискнула Вера.

– У него полная голова идей, которыми мечтают завладеть наши враги.

– Так надо вышибить ему мозги, и дело с концом!

– В самом крайнем случае, – сказал Бондарь, разжимая пальцы. – Если не получится похорошему. Идеи Виноградского могут пригодиться родине.

Машинально потирая горло, Вера недоверчиво спросила:

– Какая разница, кто запустит бактерий в водопровод, мы или американцы?

– Глупая, неужели ты не понимаешь, что для нас это просто одна из мер безопасности? Есть такое понятие: оружие сдерживания. Если бы у нас не было ядерных боеголовок, на нас давно сбросили бы ядерную бомбу. То же самое с любыми другими видами вооружений.

– Как в той песне получается, – вздохнула Вера. – «К нам не подходи, к нам не подходи, а то зарежем».

– Что-то в этом роде, – согласился Бондарь.

– Эх, кто бы знал, как я ненавижу все эти ваши мужские хитрости. Игры патриотов, блин!

С этими словами Вера скрылась за дверью ванной комнаты. Проводив взглядом ее стройную фигуру, дважды перечеркнутую полосками черного бюстгальтера и таких же черных трусиков, Бондарь разделся и лег на кровать, предварительно выложив на тумбочку сигареты и зажигалку.

Курить, как ни странно, не хотелось. Хотелось спуститься вниз, взять за шкуру свихнувшегося ученого и встряхнуть так, чтобы вся перхоть осыпалась с него раз и навсегда, вместе с волосами. Дожил до седин, старый идиот, а ума-разума не нажил. Разве он не соображает, что делает? Неужели ему не ясно, что любая теория подразумевает переход к практике? Или ему безразлично, на чем делать деньги и славу?

Взгляд, которым встретил Бондарь Веру, был таким жестким и непримиримым, что она невольно остановилась, словно наткнувшись на невидимое препятствие.

– Ты что? – спросила она инстинктивно закрывая грудь руками.

– Ничего, – пожал плечами Бондарь. – Думаю.

– О чем? – добравшись до кровати, Вера проворно нырнула под одеяло.

– О том, что не хрен расхаживать голышом в присутствии малознакомых мужчин.

Погасив свет, Бондарь повернулся на левый бок и зажмурился. Тело, прижавшееся к его спине, было влажным и прохладным, но почему-то казалось обжигающим. Особенно горячей воспринималась нога, брошенная на бедро Бондаря. А там, где эта нога заканчивалась, вообще пылали уголья.

– Кто-то обещал лишить меня интимных услуг, – проворчал он.

– Конспирация, – ханжески вздохнула Вера. – А вдруг нас подслушивают? Мы должны вести себя естественно.

Дальше все происходило вроде бы против желания Бондаря, но не без его участия. Оседлавшая его Вера помогла себе двумя руками и, охнув, осела ниже сантиметров на двадцать с лишним. Ее тело лоснилось в темноте, как статуя из темного дерева. Давая Бондарю вдосталь полюбоваться собой, она сделала несколько пробных круговых движений тазом, а потом пожокейски наклонилась вперед и затеяла такую неистовую скачку, что он услышал лязганье ее зубов.

Первый стон застал его врасплох. Ему показалось, что он оглох, поскольку жаркие Верины губы как раз ловили его ухо. Продолжение оказалось еще более впечатляющим. Не позволяя заткнуть себе рот, Вера разразилась целой серией воплей, звучащих все пронзительней, все отчаянней. Когда, наконец, этот кошачий концерт закончился, Бондарь снял ее с себя и, потянувшись за сигаретой, сердито спросил:

– Ты с ума... – его голос прервался. – Ты с ума сошла? Всю округу всполошила.

– Пусть... – Вера тоже задыхалась, – пусть знают наших. У нас медовый месяц или как?

– Во всем нужно знать меру, – продолжал ворчать Бондарь, кое-как совмещая пламя зажигалки с прыгающей в зубах сигаретой.

– В следующий раз обещаю молчать, как рыба.

– В следующий раз я заранее замочу тебе голову одеялом.

– Что ж, я согласна, – покорно вздохнула Вера, завладевая тлеющей сигаретой. – Дай только сделать пару затяжек перед смертью.

– Сегодня – живи, – великодушно разрешил Бондарь.

– Нет уж, помирать так помирать. Считаю, что следующий раз уже наступил.

Ее рука змеей скользнула вдоль туловища Бондаря, и он понял, что она не шутит.

Глава 12

Сентиментальная прогулка

На протяжении всего утреннего кофепития Ингрид хранила молчание оскорбленной девственницы. Когда Бондарь поинтересовался, почему профессор не вышел к завтраку, она поджала губы и сказала, что Сергей Николаевич не смог заснуть вовремя и попросил его не будить.

– Я себя тоже неважно чувствую, – призналась Ингрид, манерно прикасаясь кончиками пальцев к вискам.

– Зато я как заново на свет родилась, – поведала Вера, сладко потягиваясь и жмурясь. Походила она при этом одновременно на мартовскую кошку и египетскую фараоншу. И та, и другая с толком провели ночь, а уж Вера блаженствовала за них обеих.

– Храбрится, – сказал Бондарь, кивая на нее. – Совсем расклеилась после дальней дороги. Сопли, кашель, головная боль.

– У меня? – изумилась замершая Вера.

– У тебя, у тебя, радость моя. Так что сиди дома, выздоравливай. Любоваться окрестностями сегодня буду я один. Если, конечно, наша милая хозяйка не согласится побыть моим гидом. – Бондарь улыбнулся Ингрид, вопросительно вскинув брови.

Та наморщила лоб, обдумывая что-то, а потом с готовностью кивнула:

– Пожалуй, прогулка на свежем воздухе пойдет мне на пользу. Мне нужно на сборы пятнадцать... нет, десять минут.

– Поздравляю, – прошипела Вера, когда Ингрид удалилась из кухни. – Ты своего добился.

– Главное, чтобы ты своего добилась тоже, – невозмутимо ответил Бондарь. – Я сделаю все, чтобы наша прогулка продлилась как можно дольше. Напои профессора кофе и прояви живой интерес к его рассказам о бактериях. Полагаю, этого будет достаточно, чтобы его сердце растаяло.

Оставив Веру яростно сопеть и раздувать ноздри, он набросил пальто и вышел во двор, чтобы распахнуть ворота и прогреть двигатель «Ауди». Машина блестела от мелких капель дождя. По небу неслись серые облака, растрепанные ветром. В просветах мелькал медный диск солнца, на него можно было смотреть не щурясь. Небо, облака и солнце выглядели холодными и чужими.

Включив дворники, чтобы протереть мокрое стекло, Бондарь поморщился. Визгливые звуки напомнили ему ночной концерт, который закатила Вера. Кажется, она переусердствовала. «Вот же взбалмошная девчонка», – подумал Бондарь, но разозлиться по-настоящему не сумел. Более того, на его губы так и просилась неуместная усмешка. Пришлось срочно прикуривать сигарету. Когда стискиваешь фильтр зубами, улыбка не так заметна.

Открылась дверца, Ингрид молча скользнула на свободное сиденье и занялась натягиванием юбочки на гетры, что было занятием кропотливым, но совершенно бессмысленным. Свою розовую курточку она застегнула до самого подбородка, а волосы зачесала за уши и спрятала под воротник. В таком виде она смахивала на старшеклассницу из американского фильма. Полная противоположность Вере с ее вызывающей чувственностью. Что ж, женщины любят и умеют играть на контрастах. Это хорошо. Устав от фурии, ты всегда можешь отдохнуть в обществе ангелочка.

– Куда держим путь? – осведомился Бондарь, выезжая из двора.

Справа виднелся городок, состоящий из низких домиков, раскрашенных в пастельные цвета. Туда вела узкая дорога, покрытая свежим слоем гудрона. Протянувшись мимо особняка Виноградского, она убегала за аккуратные песчаные дюны, поросшие таким же аккуратным камышом. Впереди торчала водонапорная башня, соединенная с шоссе узкой грунтовой.

– Я хочу показать вам удивительное место, – сказала Ингрид, акцент которой был не менее иностранным, чем раскинувшийся вокруг ландшафт. – Поворачивайте налево.

Бондарь подчинился. Дорога была пустынной, если не считать одинокого велосипедиста, попавшегося навстречу. Округа дышала чинным спокойствием и благопристойностью. Подошва Бондаря непроизвольно вдавила педаль акселератора, рука сдвинула рычаг скорости. «Ауди» чуть не взлетела над шоссе и, визжа тормозами, заложила такой крутой вираж, что Ингрид ударилась о каменное плечо спутника.

– Прекратите эти фокусы, – потребовала она, поправляя подол юбки. – Вы не в России.

– То-то и оно, – буркнул Бондарь.

– Не любите цивилизацию? – понимающе усмехнулась Ингрид.

– Смотря что считать цивилизацией.

«Ауди» затормозила на пересечении с новой дорогой. По левую руку от Бондаря раскинулся ухоженный парк. Справа торчали редкие сосны, перечеркивающие морское побережье. Цвет воды немногим отличался от асфальта, зато песок выглядел неправдоподобно белым.

– Это цивилизация? – спросил Бондарь, кивнув на странное сооружение в глубине парка. Оно представляло собой пирамиду из целлофановых нитей, поблескивающих на солнце. Щит, установленный рядом, гласил: «Avant Garde Church Parnu-2004».

– Искусство, – пожала плечами Ингрид.

– Вы прямо как дети. Строите из кубиков всякую ерунду, обклеиваете их яркими фантиками и носите с ними как с писаными торбами. Кому это нужно?

– Так ведь культура!

– Культура-мультира, – усмехнулся Бондарь. – Куда едем? Обозревать эстонскую пирамиду Хеопса? Или в парке имеются иные достопримечательности? Памятник балтийской салаке в стиле модерн? Скульптура фашистского legionера, топчущего русского оккупанта?

– Оккупантов нигде не любят, – сухо сказала Ингрид.

– И в вашей Америке?

– Особенно в Америке.

– Поговорите об этом с иракцами, афганцами, сербами.

– При случае. – Ингрид не просто поджала губы, а втянула их внутрь. – Нам прямо.

«Ауди» покатила дальше. Метров через триста хорошая дорога закончилась, сменившись порядком покореженным асфальтом. Мимо тянулась изгородь из ржавой колючей проволоки. Впереди то и дело возникали симпатичные зверьки, похожие на нутрий. Завидев машину, они ловко ныряли под изгородь и скрывались в зарослях. Один раз дорогу пересекла белка, молнией взлетевшая на сосну. Еще одним представителем местной фауны были утки, с треском испаривающие над камышами.

– Мы забрались в настоящие дебри, – притворно забеспокоился Бондарь. – Здешние хищники не опасны?

Ингрид вздрогнула и подозрительно покосилась на него.

– Тут нет хищников, – сказала она.

– Не может быть, – резвился Бондарь. – В Эстонии, как в Греции, есть все: львы, тигры, волки, дикие собаки динго. Вы боитесь диких собак?

Шутка была воспринята, мягко говоря, с прохладцей. Смерив спутника не слишком приязненным взглядом, Ингрид кивнула на просвет среди сосен:

– Еще полкилометра, и мы на месте.

Так и вышло. Выбравшись из машины, Бондарь завертел головой, пытаясь сообразить, что за восьмое чудо света будет предложено его вниманию. Пляж был пустынен и непригляден, как пейзаж, нарисованный с помощью двух-трех акварельных красок. Смазанная зелень сосен, размытый горизонт, свинцовое море, серый каменный мол, уходящий вдаль километра на два. Заканчивался он маяком, от которого веяло запустением и стариной.

* * *

– Смотрите, – сказала Ингрид, по лицу которой стегали пряди волос. Ветер по одной выдергивал их из-под воротника и грубо трепал их, словно это были не волосы, а стебли жухлой травы.

– Куда? – недоуменно спросил Бондарь.

– Неужели вы не видите? Мол.

– Угу, мол. Что в нем особенного?

– Сергей Николаевич говорит, что он появился еще в 1864 году.

– Он выглядит несколько моложе, – пробормотал Бондарь.

– Мол?

– Ваш жених.

– Не смешно, – укоризненно сказала Ингрид. – Ему всего лишь шестьдесят.

– Могу?

– Сергею Николаевичу! Вы действительно тупой или прикидываетесь?

– Тупой, – развел руками Бондарь. – Хоть убейте, а ваш заброшенный причал не производит на меня никакого впечатления.

– Говорят, что если дойти до маяка и выпить там шампанского, то это принесет счастье. – Ингрид безуспешно попыталась пригладить волосы. – Для верности необходимо наступить на последний камень у моря.

– Небезопасная забава. Прыгая по камням после шампанского и утонуть недолго.

– Тут мелко. Метра два-три от силы.

– Но не по колено, – заметил Бондарь. – Даже пьяному. Впрочем, я готов рискнуть.

– Вы о чем? – удивилась Ингрид, машинально выплевывая лезущие в рот волосы.

– Предлагаю смотаться за шампанским и попытать счастья вместе. Одного на двоих будет в самый раз.

– Спасибо, но я уже нашла свое счастье. Кроме того, на маяке водится привидение. Местные жители называют его Гневной Рыбачкой.

Ингрид медленно побрела вдоль берега, Бондарь последовал за ней. Море плескалось у их ног, облизывая оставленные на песке следы. Пахло солью, свежестью и безбрежным простором. Крики чаек были исполнены необъяснимой тоски.

– И зачем только вы приехали в Пярну? – воскликнула Ингрид после минутного молчания.

– Чтобы провести здесь медовый месяц, – сказал Бондарь.

– Вам следовало поискать какое-нибудь другое место, Женя...

– Почему, Ингрид?

– До вашего появления все было просто и ясно. А теперь...

– Что теперь?

– I am confused, – перешла на английский Ингрид. – I don...t know what to do.

Это означало, что она сбита с толку и не знает, как быть, но Бондарь не стал обнаруживать свое знание английского языка. Почему-то ему казалось, что разговор неспроста и нужно держать уши на макушке.

– Я в эстонском ни бум-бум, разве вы забыли? – напомнил он.

– Это был английский, – тихо сказала Ингрид.

– И что вы сказали?

– Forget it! Забудьте. Я такая сумасбродка!

Они молча развернулись и пошли в обратном направлении.

– Давайте начистоту? – предложил Бондарь.

– Давайте. – Ингрид остановилась, сунув руки в карманы, расставив ноги и наклонив голову, чтобы нельзя было увидеть выражение ее лица.

– Мне кажется, что вы хотите мне что-то сказать.

– Хочу. Но сначала я предпочла бы выслушать вас.

– Профессор Виноградский...

– Что профессор Виноградский?

– Не слишком ли он стар для такой девушки, как вы? – заговорил Бондарь, как бы рассуждая вслух. – И чем вы станете заниматься в Пярну? Подавать обеды курортникам? Вязать носки на продажу? Писать книгу «Тысяча и один способ приготовления кровяной колбасы»? Все эти увлекательнейшие занятия заставят вас сходить с ума от тоски. Видели когда-нибудь собаку, воющую на луну? Вот и вам захочется делать то же самое.

– Почему вы постоянно говорите о собаках? – сердито спросила Ингрид. – То дикие, то воющие...

– Виноват, – сказал Бондарь. – Давайте вернемся к милому вашему сердцу Пярну. Эстонские деревушки похожи как две капли воды: одинаковые домики, маленькая центральная площадь, на которой по праздникам отплясывают упившиеся пивом хуторяне, ратуша, почта, полицейский участок. Темы для разговоров всегда одни и те же: чей петух чью курицу топтал, кто и когда свинью зарезал, какая погода была вчера и какая предвидится завтра. Неужели это так интересно в вашем возрасте?

– Мы уедем в Америку, сказано же вам, – нервно отозвалась Ингрид.

– Ну в Америке, конечно, будет веселее, – согласился Бондарь. – Главное, приобрести элегантную щеточку, с которой будет не стыдно показаться в обществе.

– Щеточку?

– Ну да. Не станете же вы стряхивать пыль с профессора собственной рукой. Это неприлично.

– На Сергее Николаевиче нет никакой пыли! – выкрикнула Ингрид.

– Пардон, – сказал Бондарь. – Имелась в виду перхоть.

– Зачем вы издеваетесь надо мной?

– Чтобы вызвать вас на откровенность. Впервые слышу о молодых, сексапильных американках, подыскивающих женихов в эстонской глуши. Это весьма подозрительно.

– Ладно, – процедила Ингрид. – Сами напросились.

– На что? – спросил Бондарь, ошарашенный внезапной угрожающей интонацией, прорезавшейся в голосе спутницы. Кроме них на берегу не наблюдалось ни единой живой души, в руках Ингрид не было не то что оружия, но даже шпильки или пилочки для ногтей.

– Испугались? – усмехнулась она.

– Мне нечего бояться. Я просто любопытствовал, на что я напросился.

– На откровенность. Вы ведь этого добивались?

– Можно сказать, что так, – подтвердил Бондарь, скользя взглядом по пустынной округе.

– Дайте мне ключи от машины, – узкая ладонь Ингрид требовательно выдвинулась вперед.

– Зачем?

– Я поеду за шампанским. Мы вместе выпьем его, и я расскажу вам все. А потом мы вместе отправимся на дальний конец мола, чтобы загадать желание. Одно на двоих, как вы того хотели. – Ингрид посмотрела Бондарю в глаза. – Я ужасная трусиха, учтите. Нерешительная, безвольная, слабохарактерная. Без шампанского у меня ничего не выйдет. Это единственное средство, способное развязать мне язык.

– Мы можем поехать вместе, – предложил Бондарь.

– Нет, – решительно возразила Ингрид. – Я хочу, чтобы у вас было время хорошенько подумать. Действительно ли вы хотите услышать от меня правду? После того как я сделаю

признание, у вас не останется выбора. – Она таинственно понизила голос. – Вам придется забрать меня отсюда. Понимаете, что я имею в виду?

– Вы...

– Тс-с! Давайте ключи и приберегите остальные вопросы на потом. Я возвращусь через полчаса, даю вам слово. – Ингрид печально улыбнулась. – Биография у меня не безупречная, но угоном машин я не занимаюсь.

Бондарь сделал вид, что поправляет пальто и убедился в том, что легкий, плоский «Вальтер» находится там, где ему надлежит, с левой стороны груди, в пижонской кобуре, полученной в управлении. Риск был минимальным. Незаметно приблизиться к Бондарю не сумела бы даже змея. Не станут же его уничтожать управляемой ракетой, как проделывают это израильтяне с лидерами «Хамас». Высадки морского или воздушного десанта тоже можно было не опасаться, поскольку для такой карликовой страны, как Эстония, это приравнивалось бы к общевойсковой операции.

– Держите, – протянув Ингрид ключи, Бондарь заглянул ей в глаза. Неужели она решила открыть свои крапленые карты? Что это – мимолетный женский каприз или обдуманное решение?

Радужки ее глаз были прозрачными, как две льдинки, но заглянуть сквозь них в душу не получилось. Завладев ключами, она поспешила отвернуться. Бондарь уж решил, что не дожидется от нее ни единого слова на прощание, но, пройдя несколько шагов, она остановилась и спросила, почти не поворачивая головы:

– Напомните мне вашу знаменитую поговорку. Кто не пьет шампанского, тот не рискует, так?

– Наоборот, – ответил Бондарь.

– Кто не рискует, тот не пьет шампанского?

– Правильно.

– Когда я вернусь, за это и выпьем, ладно?

– Договорились.

– Koike head... Vabandage...

– Что вы сказали? – переспросил Бондарь.

– По-русски: всего хорошего, – откликнулась Ингрид, возобновляя движение. – Good luck – по-английски.

– А второе слово?

– Sorry...

Ветер подхватил ответ и унес в неведомые дали, но Бондарь успел расслышать. И, оставшись один, он задумался: а за что, собственно говоря, извинилась Ингрид? Если таинственная невеста Виноградского намерена сделать какое-то чистосердечное признание, то она вправе рассчитывать на благодарность, а не на осуждение. Если же ее поездка является лишь поводом для того, чтобы улизнуть, то нужно ждать подвоха. В чем он может заключаться?

Необходимость строить догадки отпала одновременно с появлением серебристого джипа, выпрыгнувшего из-за песчаной дюны, как чертик из табакерки. Он остановился на таком расстоянии, что различить его номерной знак было невозможно. Сколько человек притаилось за тонированными стеклами и как они выглядели, Бондарь так и не узнал.

Из распахнувшейся задней дверцы выскочили отнюдь не люди.

– Ни хрена себе, – прошептал Бондарь, озираясь в поисках подходящего укрытия.

Вокруг, насколько хватало глаз, простиралось только бескрайнее море и песчаный пляж, вылизанный ветром. Да еще небо, искать спасения на котором офицеров ФСБ не приучили. Так что никакого укрытия не было. Лишь стремительно надвигающаяся опасность, встретить которую предстояло лицом к лицу.

Глава 13

В любви все возрасты проворны

Хуже нет, чем ждать и догонять, решила Вера Савич, привыкшая сначала действовать, а потом уж сокрушаться по этому поводу. Прокравшись в спальню, пропитанную несвежим старческим дыханием, она постояла немного на пороге, неприязненно разглядывая похрапывающего Виноградского. Его седые патлы, разметавшиеся по подушке, напоминали лохмотья паутины, а разинутый рот вызывал непреодолимое желание плюнуть туда и стремглав броситься наутек, как если бы это была нора какого-то кошмарного паука-птицеда.

Давно уже люди не вызывали у Веры такой ненависти и такого отвращения. Профессор был противен ей, как вредоносные бактерии, которым он посвятил свою жизнь. Она бы не удивилась, если бы увидела их невооруженным глазом. Например, копошащихся во рту спящего, подобно опарышам в выгребной яме.

Передернувшись, Вера скользнула взглядом по комнате. Ее глаза остановились на круглом зеркальце, тускло мерцающем на низком пузатом комодике справа. Протянув руку, Вера смахнула его на пол и тут же отпрянула. Дверь в спальню закрылась одновременно со звоном осколков. Сделав несколько бесшумных скачков, Вера на цыпочках вернулась за кухонный стол и поднесла к губам чашку с остатками остывшего кофе.

– Ингрид! – жалобно прокричал Виноградский из спальни. – Ты где, Ингрид?

Он позвал невесту еще несколько раз, перейдя на эстонский язык, но Вера не откликнулась. Наконец, встревоженный хозяин дома вышел из спальни и, шаркая ногами, притащился на кухню.

– Разбилось, – сказал он вместо приветствия.

– Доброе утро, – просияла Вера.

– Я спал, а оно само свалилось на пол. – Виноградский продемонстрировал зеркальце, оскалившееся сверкающими зубьями. – Почему? Должна же быть какая-то причина.

В своей полосатой пижаме и шлепанцах он отдаленно походил на ребенка, огорченного поломкой игрушки. Правда, не самой любимой и не самой главной. Этот седовласый морщинистый засранец имел в запасе кое-что поинтересней. Универсальную отраву, с помощью которой можно было отправить на тот свет сразу несколько миллионов человек.

– Зеркало разбилось? – посочувствовала Вера.

– Само, – печально покивал Виноградский.

– Плохая примета, очень плохая.

– Разве?

– А вы не знали? Разбитое зеркало в доме – к смерти.

– Ингрид! – трагически завопил Виноградский. – Куда ты подевалась?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.